

XX 977
12

4-2832-48

1 Августа.

1901 года.

ПЕРМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 и 16 чиселъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію съ перьевой брошюрованному 6 р. 50 к. и не брош. 6 руб.

Подписна принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдъ при Іухъ Семинаріи.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:—Высочайшія награды.—Журналы съѣзда оо. депутатовъ Пермскаго духовно-ученическаго округа 1900 г. (продолженіе).—Разрядный списокъ учениковъ Соликамскаго духовнаго училища, составленный въ засѣданіи правленія училища послѣ годичныхъ испытаній 11 июня 1901 года.—Перемѣны по службѣ.

Высочайшія награды.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно съ заключеніемъ комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 1 числу апрѣля 1901 г., пожаловать за заслуги по духовному вѣдомству старосту церкви села Верхъ-Усольскаго, Соликамскаго уѣзда, крестьянина **Ивана Вяткина** *золотую медалью, для ношенія на груди на Станиславской лентѣ.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Св. Синода, въ 24 день апрѣля 1901 года, Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить священника Св.-Троицкой церкви Полазнинскаго завода, Пермскаго уѣзда, **Василія Попова**, по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, *къ ордену св. Владиміра 4 ст.*

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 6 день мая 1901 г. на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованъ, за заслуги по духовному вѣдомству, *орденомъ св. Станислава 3 ст.* потомственный дворянинъ **Александръ Турчевичъ.**

ЖУРНАЛЫ

сѣзда оо. депутатовъ Пермскаго духовно-училищнаго округа 1900 года.

(Продолженіе *).

Приложеніе къ журналу за № 3, пунктъ IV.

С М Ъ Т А

по содержанию Пермскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ средствъ на 1901 годъ.

I. РАСХОДЪ.		Ассигновано по смѣтѣ на 1900 годъ.		Предполагается къ значенію на 1901 г.		РАСХОДЪ	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Основанія назначеній.	
На содержаніе Пермскаго духовнаго училища въ 1901 году требуются слѣдующія назначенія:						§ 1.	
§ 1. Содержаніе лицъ управленія и учащихся:						1, 2, 4, 5. Безъ измѣненій противъ смѣтныхъ назначеній на 1900 годъ.	
1	Двумъ членамъ училищнаго правленія отъ духовенства, по 60 руб. въ годъ каждому	120		120		3. Назначенія по содержанію параллел. I и II класса безъ измѣненій противъ смѣты 1900 г.; назначеніе по содержанію III-го параллельнаго класса вносится въ смѣту 1901 года вновь. Для I класса, согласно уставу дух. училищъ, исчислено: 7 уроковъ съ платою по 60 руб. за годовой урокъ (по священной исторіи и ариѳметикѣ)—420 руб., 10 уроковъ съ платою по 30 руб. за урокъ (по русскому языку съ церковно-славянскимъ)—300 руб., 4 урока съ платою по 35 руб. за урокъ (по церковному пѣнію)—140 руб. и 2 урока съ платою по 25 руб. (по чистописанію)—50 руб., а всего уроковъ на 910 руб. Къ этой суммѣ прибавлено, согласно постановленію сѣзда оворужнаго духовенства 1899 года (журналъ за № 5, п. III), добавочныхъ 200 руб. въ годъ преподавателю русск. яз. въ данномъ классѣ, кандидату академіи Василию Гагарину; такимъ образомъ на содержаніе I параллельнаго класса требуется всего 1110 р. Для II класса исчислено: 19 уроковъ съ платою по 60 руб. за годовой ур. (по свящ. исторіи, русск. яз. съ церковно-славян., греч., лат. яз. и ариѳмет.)—1140 руб., за 2 урока съ платою по 35 руб. (по церковн. пѣнію)—70 руб. и за 2 урока съ платою по 25 руб. (по чистопис.)—50 руб., а всего 1260 руб. Для III класса исчислено: 22 урока съ платою по 60 руб. за годовой ур. (по ватихизису съ церк. уставомъ, по русск. яз. съ церк.-слав., по греч. и лат. яз.,	
2	Тремъ надзирателямъ за учениками и вмѣстѣ репетиторамъ, по 300 р. въ годъ каждому	900		900			
3	Преподавателямъ въ параллельныхъ отдѣленіяхъ: I класса	1110		1110			
	II класса	1260		1260			
	III класса	—		1355			
4	Преподавателю гимнастики	100		100			
5	Учителю музыки (скрипичной игры)	120		120			
	Итого	3610		4965			

*) См. Перм. Епарх. Вѣд. за 1901 г. №№ 11, 12, 13 и 14.

РАСХОДЪ.		Ассигновано по смѣтѣ на 1900 годъ.		Предполагается къ назначенію на 1901 г.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
§ 2. Содержаніе учениковъ пищею и одеждою.					
1	На содержаніе пищею и одеждою 39 полновозрастныхъ учениковъ,—изъ нихъ 30 епархіально-окружныхъ пансіонеровъ, 7 стипендіатовъ неизвѣстнаго благотворителя, 1 стипендіата протоіерея Димитрія Коровина и 1 стипендіата епископа Палладія и Дробыжевскаго, по 80 р. въ годъ на каждыя . .	3120	—	3120	—
2	На содержаніе пищею 20 полуокружныхъ епархіально-окружныхъ пансіонеровъ, по 50 р. въ годъ на каждыя	1000	—	1000	—
3	На содержаніе пищею 85 платныхъ пансіонеровъ, по 50 р. въ годъ на каждыя . .	4000	—	4250	—
Итого		8120	—	8370	—

РАСХОДЪ.
Основанія назначеній.

ариѳмет. и географіи)—1320 руб. и 1 урокъ съ платою 35 руб. въ годъ (по церк. пѣнію), а всего 1355 рублей. Основанія назначеній платы за уроки: Высочайше утвержд. опредѣл. Св. Синода 1894 г. іюня 1—17 и опредѣл. Св. Синода отъ 16—23 окт. 1891 года за № 2607. Необходимость сохраненія паралл. отдѣленій I и II классовъ и открытія вновь парал. отдѣл. для III класса обусловливается количествомъ учениковъ въ этихъ классахъ: въ наступившемъ 1900—1901 уч. году въ I кл. имѣется 11 учениковъ и вновь поступаетъ въ этотъ классъ по экзамену 43, всего 54 учен. (изъ нихъ свѣтскихъ 6). во II кл. имѣется 59 уч. (изъ нихъ свѣтскихъ 10) и въ III кл. 57 уч. (изъ нихъ свѣтскихъ 9); такимъ образомъ въ каждомъ изъ этихъ классовъ количество учениковъ превышаетъ предѣльную норму, указанную въ 78 § устава духовныхъ училищъ (40 ученик.).

§ 2.

Число епархіально-коштныхъ пансіонеровъ и стипендіатовъ оставлено безъ измѣненій противъ смѣты 1900 года; но число платныхъ пансіонеровъ, въ виду опыта 1899—900 уч. года увеличено на 5 человекъ, равно и расходъ на ихъ содержаніе — на 250 рублей.

I. РАСХОДЪ.		Ассигновано по сметѣ на 1900 годъ.		Предполагается къ назначенію на 1901 г.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
§ 3. Содержаніе дома.					
1	Жалованье училищному эконому	360	—	360	—
2	На страхованіе училищныхъ зданій	200	—	200	—
3	На наемъ прислуги и содержаніе ночного караула	1642	—	1642	—
4	На отопленіе зданій: 450 саж. березовыхъ дровъ по 3 р. 40 к. сажень	1530	—	1530	—
5	На освѣщеніе зданій: 280 п. керосину по 1 р. 25 к.	308	—	350	—
	30 ф. стеарин. свѣчь по 24 к. ф.	720	—	720	—
	1 пудъ сальныхъ свѣчь	6	—	6	—
6	На содержаніе двухъ лошадей: 360 п. сѣна по 40 к. пудъ	144	—	144	—
	250 п. овса по 65 к. пудъ	162	50	162	50
7	На вывозку нечистотъ изъ сортировъ и помойныхъ ямъ	275	—	275	—
8	На вывозку снѣга со двора и крышъ	36	—	36	—
9	За пользованіе водою изъ городского водопр.	26	—	26	—
10	За набивку льдомъ погребовъ	10	—	10	—
11	За годовую ковку лошадей и на леченіе ихъ	24	—	24	—
12	За натирку паркетныхъ половъ воскомъ	12	—	12	—

РАСХОДЪ.
Основанія назначеній.

§ 3.

5. Увеличено противъ смѣты 1900 года на 42 руб. согласно существующей въ настоящее время цѣнѣ на керосинъ — на 15 коп. на пудъ дороже противъ смѣтной цѣны 1900 года.

18. Увеличено противъ смѣты 1900 года на 300 руб. въ виду необходимости переложить заново въ будущемъ году одинъ изъ калориферовъ, что должно стать болѣе 300 руб., и устроить въ помѣщеніяхъ перваго этажа: пекарнѣ, кладовой при кухнѣ, гардеробной, амбулаторіи и въ подвальномъ этажѣ въ кухнѣ помощника смотрителя, во избѣжаніе сырости, мышей и крысъ, вмѣсто существующаго износившагося деревяннаго пола, лежащаго прямо на землѣ, полъ изъ цемента, — пока, вслѣдствіе ограниченности ассигновки, въ одномъ или двухъ изъ этихъ помѣщеній.

21. Уменьшено противъ смѣты 1900 года на 240 руб. въ виду того, что въ будущемъ году предвидится данный ремонтъ въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ 1900 годомъ и въ силу необходимости выдѣлить изъ назначеній по ремонту на печныя и каменныя работы большую сумму.

25-26. Уменьшено на 60 руб. по тѣмъ же причинамъ.

Назначенія по прочимъ статьямъ § 3 смѣты безъ измѣненій противъ смѣты 1900 года.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Соликамскаго духовнаго училища, составленный въ засѣданіи правленія училища послѣ годичныхъ испытаній 11 іюня 1901 года.

IV классъ.

Удостоиваются свидѣтельствъ объ окончаніи училищнаго курса:

Разрядъ 1-й:	Чернавинъ Владиміръ.
1. Бахаревъ Виталій.	10. Коровинъ Веніаминъ.
Будринъ Леонидъ.	Липинъ Александръ.
Клочихинъ Владиміръ.	Швецовъ Николай.
Разрядъ 2-й:	Вялыхъ Виталій.
Бѣляевскій Аполлинарій.	Желѣзныхъ Александръ.
5. Лобозиковъ Григорій.	15. Глумовъ Константинъ.
Букушкинъ Владиміръ.	Бургановъ Анатолій.
Чечулинъ Владиміръ.	17. Киселевъ Борисъ.
Сѣдельниковъ Михаилъ.	

III классъ.

а) Удостоиваются перевода въ IV классъ:

Разрядъ 1-й:	Букушкинъ Сергій.
1. Холмогоровъ Александръ.	5. Каллистовъ Георгій.
Разрядъ 2-й:	Поносовъ Александръ.
Коняевъ Иванъ.	Тотьмянинъ Θεодоръ.
Боровинъ Маринъ.	Поповъ Павелъ.

б) Имѣютъ держать послѣ каникулъ переэкзаменовки:

Пономаревъ Семень	} по ариметикѣ.
10. Спасскій Николай.	
Овчинниковъ Александръ	— по русскому языку.

в) Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Якубовскій Михаилъ.	} по малоуспѣшности.
Поповъ Александръ.	
Коровинъ Александръ.	
15. Неждановъ Павелъ.	
Лобовиковъ Иванъ.	
17. Золотавинъ Венедиктъ	— увольняется по великовозрастію.

II классъ.

а) Удостоиваются перевода въ III классъ:

Разрядъ 1-й:	Холмогоровъ Константинъ.
1. Иваницкій Николай.	Богословскій Сергій.

Разрядъ 2-й.

- Чечулинъ Николай.
5. Говязинъ Алексій.
Извольскій Владиміръ.
Жулавовъ Николай.
Собянинъ Филиппъ.

Поповъ Иларіонъ.

10. Мальфинъ Александръ.
Ласинъ Борисъ.
Боровинъ Николай.
Ласинъ Сергій.
Самочадинъ Иванъ.

б) Имѣють держать послѣ каникулъ переэкзаменовки:

15. Глумовъ Глѣбъ—по русскому и греческому языкамъ.
Некрасовъ Геннадій—по русскому языку и ариметикѣ.

в) Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Мельниковъ Сергій.
Ветошкинъ Петръ.
Перебатовъ Василій.

} по малоуспѣшности.

20. Остроумовъ Аркадій—вслѣдствіе продолжительной болѣзни.
21. Южаконъ Викторъ—увольняется по великовозрастію.

І классъ.

а) Удостоиваются перевода во II классъ:

Разрядъ 1-й:

1. Хохловъ Михаилъ.
Яковкинъ Владиміръ.
Боровинъ Орестъ.
Иваницкій Петръ.
5. Коняевъ Григорій.
Чечулинъ Андрей.
Барминовъ Яковъ.
Богословскій Семень.
Левинскій Константинъ.

10. Извольскій Александръ.

Разрядъ 2-й:

- Грамолинъ Ипполитъ.
Калашниковъ Николай.
Южаконъ Веніаминъ.
Грамолинъ Николай.
15. Будринъ Борисъ.
Пономаревъ Аполлоній.
Шишаконъ Филаретъ.
Мстиславскій Леонидъ.

б) Имѣють держать послѣ каникулъ переэкзаменовки:

Зыряновъ Іосифъ—по священной исторіи.

20. Игумновъ Арсеній.
Бирюковъ Василій.
Воронинъ Николай.
Собянинъ Емельянъ.

} по ариметикѣ.

} по русскому языку.

в) Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Журавлевъ Сергій.
Поповъ Димитрій.

} по малоуспѣшности.

26. Маляхинскій Михаилъ.

Перемѣны по елужбѣ.

Перемѣнены священники: Оханскаго уѣзда, церкви Кленовскаго села, **Василій Морозовъ**, къ церкви Верхне-Муллинскаго села, Пермскаго уѣзда, 5 іюля, и Осинскаго уѣзда, церкви Шерментскаго завода, **Іоаннъ Мѣдяковъ**, къ церкви Рождественскаго села, того же уѣзда, 2 іюля.

Умерли: *псаломщикъ* церкви Быковскаго села, Красноуфимскаго уѣзда, **Іоаннъ Вудринъ**, 23 іюня, и *священникъ* церкви Устиновскаго села, Осинскаго уѣзда, **Николай Поповъ**, 12 іюля.

Остаются не замѣщенными священно-церковно-служительскія мѣста:

Священническая: Пермскаго уѣзда, при церкви Нолазнинскаго з., съ 12 марта; Осинскаго уѣзда, при церкви Бымовскаго зав. (единов.), съ 30 апрѣля; Соликамскаго уѣзда, при церкви Юсьвинскаго села, съ 2 мая; Оханскаго уѣзда, при церкви Рождественскаго зав. (единов. р.) съ 30 мая; Красноуфимскаго уѣзда, при церкви Шемахинскаго завода (единовѣрч.), съ 26 мая; Оханскаго уѣзда, при церкви Кленовскаго с., съ 5 іюля; Осинскаго уѣзда, при церкви Устиновскаго села, съ 12 іюля, и того же уѣзда, при церкви Шерментскаго завода, съ 2 іюля.

Діаконскія: Оханскаго уѣзда, при церкви Карагайскаго села, съ 28 октября 1900 г.; при церкви Красноуфимскаго промышленнаго училища, съ 27 ноября 1900 г.; Оханскаго уѣзда, при церкви Лузинскаго села (единовѣрч.), съ 10 января; при градо Кунгурскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, съ 31 января; Пермскаго уѣзда, при церкви Русаковского села (единовѣрч.), съ 21 марта; при церкви Пермскаго духовнаго училища, съ 26 апрѣля; Чердынскаго уѣзда, при церкви Шакшерскаго с., съ 8 іюня, и Оханскаго уѣзда, при церкви Бабкинскаго с., съ 20 іюня.

Псаломщическія: Красноуфимскаго уѣзда, при церкви Сокольскаго села, съ 5 мая; Осинскаго уѣзда, при церкви Больше-Талмазскаго с., съ мая мѣсяца; Красноуфимскаго уѣзда, при церкви Саранинскаго з. (единовѣрч.), съ 29 мая, Соликамскаго уѣзда, при церкви Рождественскаго села, съ 29 мая; Красноуфимскаго уѣзда, при церкви Алмазскаго села, съ 22 мая, и Красноуфимскаго уѣзда, при церкви Быковскаго села, съ 23 іюня.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:—Открытіе педагогическихъ курсовъ и курсовъ пѣнія для учащихся церковныхъ школъ Пермской епархіи въ с. Дубровѣ, Осинскаго уѣзда (продолженіе).—Обличеніе лжи графа Л. Толстого.—Несправедливое нареканіе на Пермское духовенство.—Объявленія.

Открытіе педагогическихъ курсовъ и курсовъ пѣнія для учащихся церковныхъ школъ Пермской епархіи въ с. Дубровѣ, Осинскаго уѣзда.

(Продолженіе) *).

Послѣ о. епархіальнаго наблюдателя сказалъ слѣдующую рѣчь одивъ изъ руководителей курсовъ Ал. Ал. Кычигинъ:

Назначенный руководителемъ по церковн. славянскому и русскому языку на открываемыхъ нынѣ педагогическихъ курсахъ, не излишнимъ нахожу и со своей стороны, сказать вамъ, господа, нѣсколько словъ. Рѣчь моя будетъ проста. Но я прошу васъ прослужать ее внимательно, какъ добрый совѣтъ чловѣка, умудреннаго долготѣннымъ опытомъ.

Вы, господа, собрались сюда, чтобы ознакомиться съ болѣе усовершенствованными способами и приѣмами преподаванія въ церковныхъ школахъ. Эти педагогическіе курсы почти ежегодно устраиваются для васъ духовнымъ начальствомъ. Они — благодѣяніе для васъ и для дѣла церковно-школьнаго просвѣщенія народа. Поэтому оправдать въ данномъ отношеніи довѣріе и заботы духовной власти — составляетъ для васъ прямой долгъ чести, долгъ совѣсти и нравственнаго самосознанія. Довѣріе это вы оправдаете, прежде всего, усерднымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, внимательнымъ слушаніемъ всего того, что будетъ преподаваться вамъ на курсахъ и вообще — занятіями, достойными наставниковъ, при хорошемъ поведеніи и прилежаніи. Оправдывая довѣріе духовной власти, вы вмѣстѣ съ тѣмъ будете осуществлять и тѣ надежды, запросы и требованія, которые настойчиво и справедливо предъявляются къ вамъ со стороны лучшей части православнаго народа и вообще благомыслящаго современнаго русскаго общества. Честно послужите дорогой нашей родинѣ, св. церкви и православному народу,

*) См. Перм. Еп. Вѣд. за 1901 г. № 14.

изъ среды котораго вышла едва-ли не большая часть и васъ, учителей церк. школь, и на трудовые, политые потомъ, гроши котораго получили образованіе почти всѣ вы. Послужите же добросовѣстно и съ любовью этому народу и вы заплатите ему свой долгъ съ лихвою. Благодарна будетъ вамъ за это родина наша и та часть православнаго народа, которая сохранила еще крѣпкую связь съ свят. церковью и съ національными устоями доброй патріархальной жизни нашихъ благочестивыхъ предковъ.

Но помните и знайте, что въ задачи церковной школы (какъ и школь другихъ вѣдомствъ и типовъ) входитъ не только обученіе народа, но и *воспитаніе* на разумныхъ нравственныхъ началахъ. Поэтому, приобретаая здѣсь на курсахъ методическіе знанія и навыки и примѣняя ихъ потомъ на практикѣ, вы ни на одну минуту не забывайте слѣдующихъ основныхъ требованій, необходимыхъ въ области *религіозно-нравственнаго* воспитанія и обученія, а именно: 1) воспитывая питомцевъ, въ то же время учить ихъ, и уча, воспитывать въ духѣ церковности и православія, въ духѣ любви къ Богу и ближнему, въ духѣ страха Божія; иначе говоря, — учить и воспитывать въ духѣ христіанскаго благочестія; 2) каждому учителю-воспитателю необходимо проникнуться сознаніемъ важности принятой на себя высокой миссіи и связанной съ нею задачи воспитательнаго характера; онъ долженъ всегда помнить, что принятое имъ на себя дѣло воспитанія дѣтей, тѣмъ паче — воспитанія религіозно-нравственнаго, есть дѣло въ высшей степени трудное, серьезное и отвѣтственное, какъ и замая наука о воспитаніи признается труднѣйшею изъ наукъ; 3) плодотворность воспитанія и обученія обуславливается, прежде всего, не столько степенью знаній учителя, не столько его словами, букввальнымъ выполненіемъ программы по учебникамъ, сколько *личнымъ его примѣромъ*, его искреннимъ, любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу и къ самимъ питомцамъ. Личный живой примѣръ издревле признается лучшимъ средствомъ воспитанія и превосходнѣйшимъ учителемъ вѣры и нравственности. При раскрытіи дѣтямъ истинъ православнаго вѣроученія, при привитіи имъ благочестивыхъ наклонностей и привычекъ, — на урокахъ ли закона Божія, путемъ ли благоговѣйнаго чтенія церковно-славянской книги, на бесѣдѣ ли, на объясненіи ли дѣловой, а особенно религіозно-нравственной статьи изъ книги для чтенія и т. д., — истинный учитель-пастырь всегда старается дѣйствовать не только на умъ, разсудокъ и

память, но и на *сердце и душу* питомцевъ; стремится не къ тому только, чтобы дать имъ знаніе, но и къ тому, чтобы *воспитать* въ нѣжныхъ и юныхъ сердцахъ и душахъ ихъ *искреннюю вѣру въ Бога, расположеніе къ пламенной молитвѣ, любовь къ Всемогущему Творцу, къ св. церкви, отечеству и ближнимъ, честность и прямоту характера, охоту къ полезному труду, вѣрность Царю православному, чувства смиренія и покорности воли Божіей, уваженіе и почтеніе къ родителямъ, духовнымъ отцамъ, наставникамъ и благодѣтелямъ, нравственную устойчивость*, такъ необходимую въ наше время всеобщаго упадка религіи и нравственности... Эти высокія воспитательныя задачи лежатъ и въ основѣ *семейнаго* воспитанія. Но, увы, кто изъ насъ не знаетъ, какъ часто современное семейное воспитаніе не только не осуществляетъ этихъ задачъ, но и прямо идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ и направлениемъ школьнаго воспитанія, сплошь и рядомъ разрушая въ дѣтяхъ то, что съ великими трудами прививалось имъ въ школѣ. Мы, несомнѣнно, еще очень далеки отъ того возжелѣннаго идеала, когда общественная школа и семья могутъ быть совершенно солидарными въ области воспитанія, иди рука объ-руку одна съ другой по данному пути... Напротивъ, мы видимъ теперь совершенно иное: та или другая—или совсѣмъ игнорируютъ святое дѣло воспитанія, или болѣе или менѣе грѣшатъ противъ основныхъ требованій его... А, между тѣмъ всѣмъ намъ извѣстна истина, что только семейное воспитаніе можетъ вырабатывать *индивидуальныя* особенности характера каждаго питомца, а современная общественная школа, при существующемъ отдѣленіи ея отъ семьи, можетъ давать только *общую* выправку характера питомцевъ, да и то далеко не всегда...

Принимая во вниманіе такой порядокъ вещей, слѣдуетъ признать за несомнѣнную истину, что въ наши дни воспитательныя задачи общественной школы являются наиболѣе трудными и многосложными, нежели въ минувшія эпохи нашей исторической жизни, когда преобладало семейное воспитаніе или когда школа сливалась съ семьей, или же—школьное воспитаніе носило характеръ семейнаго, какъ бы тѣсно соединяясь съ нимъ. Поэтому въ наше время и предъявляются къ учителю (особенно къ учителю церкви. школы) несравненно большія требованія, нежели во времена минувшія.

Что такое воспитаніе вообще съ точки зрѣнія педагогической науки. Отвѣчу на это кратко словами отца современной дидактики, Амоса Коменскаго. „Воспитывать — говорить онъ, — значитъ заботиться, чтобы души дѣтей предохранились отъ испорченности, посредствомъ цѣломудренныхъ и постоянныхъ наставленій и примѣровъ способствовать успѣшному произрастанію лежащихъ въ нихъ сѣмянъ нравственности, чтобы, наконецъ, умы ихъ прониклись истиннымъ познаніемъ Бога“ *).

Какъ наставники церков. школъ, вы призваны къ дѣлу воспитанія дѣтей *въ духъ церковности*. На васъ лежитъ въ нѣкоторой степени такая же отвѣтственность предъ Богомъ, государствомъ и обществомъ, какъ и на пастыряхъ церкви; ибо и вы взяли на себя высокую миссію учительства, воспитанія и просвѣщенія правосл. народа; вы помогаете законоучителямъ — пастырямъ церковнымъ вести „малыхъ сихъ“ къ нравственному совершенству, свѣту немерцающему и спасенію... А потому остерегайтесь чѣмъ-либо соблазнить питомцевъ; вѣрнѣе вамъ, непрестанно помня слова Господа І. Христа: „*Не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ*“; „*Горе міру отъ соблазновъ*“; но особенно „*горе человеку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ*“... Страшное возмездіе получаетъ соблазнитель не только въ будущей загробной жизни, но часто и въ этомъ мірѣ. Не забывайте, что ваши ученики и отчасти даже взрослые жители, очень во многомъ, если не во всемъ, стараются подражать вамъ, вашей личной жизни и поведенію, заимствуя отъ васъ и хорошее, и дурное — иногда какъ бы и безсознательно. Таковъ психологическій законъ.

Философской наукой и педагогической психологіей давно уже принимается за несомнѣнную истину основное положеніе въ области воспитанія, что „ребенокъ подчиненъ съ самаго пробужденія сознанія закону *подражанія и приноравливанія* къ окружающему его. Слѣдовательно, каковы характеръ и направленіе воспитанія, каковы *личныя* качества воспитателей въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ, таковы получаютъ и плоды воспитанія; каковъ учитель, таковъ будетъ и ученикъ его.

Религіозно-нравственный элементъ въ области школьнаго воспитанія едва ли не во всѣ времена и эпохи имѣлъ первенствующее значеніе и составлялъ необходимѣйшую принадлежность каждой благоустроенной школы почти каждаго культурнаго государства; ибо отъ этого,

*) «Великая дидактика». Введеніе.

главнымъ образомъ, зависитъ благосостояніе, слава, духовная мощь и ростъ каждой націи, каждаго отдѣльнаго государства. По крайней мѣрѣ, нашъ русскій православ. народъ тѣмъ только и достигъ своей настоящей силы и важнаго міроваго значенія, что воспитывался въ семьѣ *подъ крыломъ св. церкви, въ духъ строгаго благочестія*, націонализма и отеческихъ преданій священной старины... И усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія въ школахъ и семьѣ представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что по выраженію степенныхъ старичковъ-крестьянъ, „народъ нынѣ всюду ослабѣлъ“... Дѣйствительно, даже и по захолустнымъ мѣстамъ (не говоря уже о заводскихъ и крупныхъ фабрично-промышленныхъ центрахъ, наиболѣе вкусившихъ плодовъ отъ отрицательныхъ сторонъ западно-европейской цивилизаціи)—вѣра, благочестивые обычаи и добрые нравы среди народа явственно падаютъ. И въ городѣ, и на фабрикѣ, и въ заводѣ, а оттуда и въ захолустной деревнѣ, свирѣпствуетъ губительная язва деморализаціи со своими вѣчными спутниками—алкоголизмомъ и безчисленными *новыми* болѣзнями, этимъ плодомъ ненормальной жизни и результатомъ скопленія наслѣдственныхъ недуговъ... Все доброе, православное забывается, благочестивые обычаи старины отходятъ въ область преданій, вѣра народа исчезаетъ, вмѣстѣ съ былою любовью и благоговѣніемъ его къ святынямъ; различныя лжеученія и ереси, напротивъ, растутъ, какъ увеличиваются количественно и разныя страшныя преступленія, прежде неслыханныя. Подъ вліяніемъ тлетворнаго духа времени, условій современной жизни, безчисленныхъ растлѣвающихъ примѣровъ и соблазновъ, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ,—дѣти часто развращаются еще съ нѣжнаго возраста; вѣрность заповѣдямъ церкви рунится, уваженіе къ постанамъ и праздникамъ падаетъ, семья и супружеская вѣрность разрушаются; то самое, что было предметомъ благоговѣнія въ народѣ длинный рядъ вѣковъ, въ наши дни становится предметомъ глумленія и насмѣшекъ... Всѣ стремленія современнаго интеллигентнаго общества, а за нимъ уже и простонародія, подражающаго первому, сводятся въ наше время почти только къ одному—къ земнымъ удовольствіямъ, различнымъ развлеченіямъ и большому комфорту жизни. Высшіе идеалы и стремленія проповѣдуются только на словахъ, теоретически... Къ тому же православ. народъ нашъ во многихъ мѣстахъ прямо таки поражаетъ постоянного наблюдателя крайнимъ невѣжествомъ въ области исповѣдуемой имъ правосл. вѣры, часто не зная даже самыхъ краткихъ молитвосло-

вій, не имѣя и понятія о самыхъ элементарныхъ истинахъ вѣроученія (напр., о св. Троицѣ, Богородицѣ, ангелахъ, угодникахъ Божіихъ и т. д.) ¹⁾. Прискорбно и то еще, что многое хорошее въ народной жизни исчезло, а дурное остается, наприм.—безчисленныя суевѣрія и предрасудки ²⁾.

Что же дѣлать? Гдѣ искать спасенія отъ губительной язвы, разъѣдающей общественный организмъ. Дѣйствительность и лучшие сыны Россіи отвѣчаютъ, что спасеніе можно обрѣсти *только* въ лонѣхъ святыни нашей церкви, подъ кровомъ вѣрной помощницы ея—общественной церковной школы (отъ низшей до высшей), въ *раціональномъ* семейномъ воспитаніи, словомъ—въ *религиозно-нравственномъ* усиленномъ воздѣйствіи со стороны церкви, школы и семьи, иначе сказать—въ *усиленіи* религиозно-нравственнаго элемента въ области воспитанія молодого поколѣнія. *Безъ религіи нравовъ не подилтъ*, а сдѣлать религиозными людей можетъ только св. церковь, школа, семья. Даже и лучшая часть простого народа начинаетъ видѣть спасеніе отъ усиливающагося зла только въ церкви и школѣ, взирая на нихъ съ свѣтлымъ упованіемъ и надеждою.

Итакъ, господа, постараемся, насколько силъ нашихъ хватитъ, оправдать эти упованія и надежды: при помощи благодати Божіей, будемъ честно работать въ школахъ, уча и воспитывая своихъ питомцевъ въ духѣ св. вѣры православной, прививая имъ и религиозно-нравственную устойчивость и силу, дабы они, по выходѣ изъ школы, могли противостоять безчисленнымъ соблазнамъ времени и лжеученіямъ. Какъ видите, миссія современной школы очень важна и высока. А чтобы выполнить эту миссію, намъ необходимо, прежде всего, самимъ проникнуться духомъ церковности, при безукоризненномъ поведеніи самимъ быть строго-православными, усердными ко храму Божію, вѣрными всѣмъ установленіямъ св. церкви, напр., относительно соблюденія постовъ, благоговѣйнаго и неуклоннаго совершенія молитвы и т. д.

¹⁾ А это представляетъ самую удобную почву для пропагандистовъ-сектантовъ, сѣющихъ въ народѣ плевелы разныхъ лжеученій и ересей, которыхъ такъ много расплодилось въ наше время...

²⁾ О современныхъ религиозно-нравственныхъ недугахъ черезчуръ часто доводится нынѣ говорить, ибо зло это слишкомъ ощутительно и даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Это злоба дня, на которую всѣмъ должно обратить самое серьезное и неослабное вниманіе.

Не только воспитаніе, но и самое обученіе, должны быть проникнуты нравственнымъ началомъ при воздѣйствіи личнаго живого примѣра учителя. „Всякое ученье, — говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, — должно быть проникнуто нравственнымъ началомъ, но воспитывать нравственное чувство одними наставленіями — невозможное и фальшивое дѣло... Живое слово учителя, живой примѣръ его — вотъ главные пути внушенія, повми онъ дѣйствуетъ на ученика, возбуждая въ немъ дѣятельную силу, — воспитываетъ волю его добрыми побужденіями и привычками, утверждаетъ въ умѣ его живыя идеи и понятія... Долгъ учителя — прежде всего зорко смотрѣть за собою: весь образъ дѣйствія его въ обращеніи съ учениками имѣетъ, въ авторитетномъ его положеніи, внушительную силу“ *).

Въ заключеніе всего, не могу не высказать пожеланіе вамъ полныхъ успѣховъ на предстоящихъ курсовыхъ занятіяхъ и не могу также не напомнить словъ одного изъ высшихъ сановниковъ русскихъ. В. К. Саблера: „любите родину, не слушайте космополитическихъ бредней, знайте, что русскій народъ имѣетъ свой обликъ, свою великую историческую миссію, и что каждый изъ насъ долженъ прилагать всѣ старанія къ упроченію нравственной силы нашей дорогой родины“ (изъ рѣчи, произнес. въ Тульскомъ епарх. жен. училищѣ 22 мая 1901 г. Приб. къ „Церковн. Вѣдом. 1901 г. № 23, стр. 815). Особенно должны прилагать старанія къ тому всѣ тѣ, кто взяли на себя святую миссію воспитанія и просвѣщенія народа, — добавлю я отъ себя.

По окончаніи рѣчи Кычигина, о. ректоръ семинаріи объявилъ курсы открытыми и въ краткихъ словахъ пожелалъ руководителямъ курсовъ и курсистамъ наилучшихъ успѣховъ въ занятіяхъ.

Свящ. Н. Кр.

Обличеніе лжи графа Л. Толстого.

---

22 февраля сего 1901 года Святѣйшій Синодъ въ своемъ попеченіи о спасеніи чадъ православной церкви, объ охраненіи ихъ отъ пагубныхъ заблужденій и лжеученій призналъ благовременнымъ обратиться къ нимъ съ особымъ посланіемъ по поводу противо-христіанскаго

*) «Ученье и учитель». Педагог. замѣтки, стр. 54, 59 и 60, по изд. 1900 г.

и противо-церковнаго лжеученія графа Льва Толстого. Извѣщая о томъ, что „графъ Левъ Толстой, непрерывно словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, проповѣдуетъ противныя христіанской вѣрѣ ученія и глумится надъ высочайшимъ изъ таинствъ — святой евхаристіей и тѣмъ неприкровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя отъ всякаго общенія съ церковію православною“, Святѣйшій Синодъ этимъ посланіемъ засвидѣтельствовавъ, что „церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею“.

Базалось бы, что Толстой и его послѣдователи, дерзко и богохульно отвергающіе догматъ о воплощеніи Сына Божія, ученіе объ искупленіи, отрицающіе даже Божество Господа І. Христа, слѣдовательно зачеркивающіе все христіанство, все, на чемъ основана святая церковь со всѣмъ ея богослуженіемъ и обрядами, казалось, бы, что они должны были равнодушно встрѣтить посланіе Св. Синода, потому, что какое же можетъ быть негодованіе за то, что церковь отказывается ересіарху въ утѣшеніяхъ религіи, которыя онъ столько уже лѣтъ отвергаетъ, провозглашая, что они суть ложь и обманъ. И что же — они мечутъ громы и молніи, они призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль ожесточеннаго негодованія на клерикальную тираннію, ведутъ усиленную агитацію противъ якобы несправедливаго акта іерархіи нашей отечественной церкви. Первою въ этой недостойной агитаціи выступила графиня Толстая съ своимъ письмомъ къ Высокопреосвященному митрополиту Антонію. Прекрасный и авторитетный отвѣтъ Его Высокопреосвященства положилъ конецъ увлеченіямъ людей общества этимъ по существу малозначущимъ документомъ. Тогда выступаетъ на сцену самъ Левъ Толстой съ протестомъ противъ постановленія Св. Синода. Отвѣтное письмо графа на синодальное постановленіе пошло по рукамъ первоначально тѣмъ же подпольнымъ путемъ, какъ и письмо графини. Во множествѣ гектографированныхъ и рукописныхъ листовъ оно въ свое время появилось, между прочимъ, и въ Перми. Здѣсь оно быстро распространялось приспѣшниками толстовства; бывали даже случаи, что оно прямо таки навязывалось проходящимъ по улицамъ города. Безъ сомнѣнія, масса этихъ листовъ циркулируетъ и въ уѣздныхъ городахъ, и въ заводахъ, и даже въ селахъ нашей обширной епархіи, столь богатой такъ называемой интеллиген-

ціей и полунинтелигенціей, зараженной духомъ толстовскаго лжеученія. Нынѣ отвѣтъ Толстого появился въ печати — на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ (іюньская книжка) и „Церковнаго Вѣстника“ (№ 27). Это самое богохульное изъ богохульныхъ писаній, какое только можетъ взмыслить и изрыгнуть необузданная мысль и сатанински—гордое самолюбіе. Это—богоборство и объявленіе войны Самому Господу І. Христу, Сыну Бога живаго, Судіи живыхъ и мертвыхъ. Новая исповѣдь графа Толстого представляетъ собой явленіе, отъ котораго сердце болѣзненно сжимается, которое вызоветъ глубочайшую скорбь всякаго, кому дорога православная вѣра, и которому наоборотъ могутъ отъ души порадоваться враждебные нашимъ церковно-государственнымъ основамъ и устоямъ общественные элементы... На страницахъ тѣхъ же журналовъ отвѣтъ Толстого критически разсмотрѣнъ, прекрасно и основательно разобраны и всѣ возраженія, которыя русскій ересіархъ дѣлаетъ противъ постановленія о немъ Св. Синода.

Нужно особенное вниманіе и особенная бдительность къ лжемудрованію Толстого со стороны миссіонеровъ, а главнымъ образомъ приходскихъ пастырей и вообще всѣхъ, кого долгъ совѣсти призываетъ стоять на стражѣ интересовъ православной вѣры. Чтобы дать всѣмъ имъ оружіе для борьбы съ кознями діавола въ образѣ новаго Юліана Отступника, желающаго стереть съ лица земли ученіе Господа Іисуса Христа, изъ Бога развѣнчиваемаго имъ въ простого человѣка—галилеянина,—мы перепечатаваемъ изъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ новую исповѣдь Толстого и разборъ ея.

Отвѣтъ Толстого на постановленіе Синода отъ 20-22 февраля.

Я не хотѣлъ сначала отвѣчать на постановленіе обо мнѣ Синода, но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты—одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другіе увѣщаютъ меня повѣрить въ то, во что я не переставалъ вѣрить, и третьи выражаютъ со мной единомысліе, которое въ дѣйствительности едва-ли существуетъ, и сочувствіе, на которое я едва-ли имѣю право; и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленіе, указавъ на то, что въ немъ несправедливо, и на обращеніе ко мнѣ моихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ.

Постановленіе Синода вообще имѣетъ много недостатковъ. Оно незаконно, или умышленно-двусмысленно, оно произвольно, неосновательно,

неправдиво и кромѣ того содержитъ въ себѣ клевету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Оно незаконно или умышленно-двусмысленно потому, что если оно хочетъ быть отлученіемъ отъ церкви, то оно не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе, если же это есть заявленіе о томъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ церковь и ея догматы, не принадлежитъ къ ней, то это само собою разумѣется и такое заявленіе не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только ту, чтобы, не будучи въ сущности отлученіемъ, оно бы казалось таковымъ, что собственно случилось, потому что оно такъ и было понято. Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписанные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе и безпрестанно выражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтеніи, и въ брошюрахъ, и книгахъ. Оно неосновательно потому, что главнымъ поводомъ своего появленія выставляется большее распространеніе моего соображающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва-ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ. Оно содержитъ въ себѣ явную неправду, такъ какъ въ немъ сказано, что со стороны церкви были сдѣланы относительно меня не увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки разумленія. Ничего подобнаго никогда не было. Оно представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ моему вреду, утвержденія. Оно есть, наконецъ, подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и неразумяющихъ озлобленіе и ненависть ко мнѣ, доходящія до угрозъ убійства и высказываемыя въ получаемыхъ мною письмахъ. «Теперь ты преданъ анаѣмѣ и пойдешь по смерти въ вѣчное мученіе и издохнешь, какъ собака... анаѣема ты, старый чортъ... Будь проклятъ!!» Пишетъ одинъ. Другой дѣлаетъ упреки правительству за то, что я не заключенъ еще въ монастырь и наполняетъ письмо ругательствами. Третій пишетъ: «если правительство не уберетъ тебя, мы сами заставимъ тебя замолчать». Письмо кончается проклятiями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя», пишетъ четвертый, — «у меня найдутся средства»...— слѣдуютъ неприличныя ругательства. Признаки такого же озлобленія я, послѣ постановленія Синода, замѣчаю и при встрѣчахъ съ нѣкоторыми людьми. Въ самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: «вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка», и если

бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избии, какъ избии нѣсколько лѣтъ тому назадъ челоуѣка у Пантелеймоновской часовни. Такъ что постановленіе Синода вообще очень нехорошо. То же, что люди, подписавшіе его, такъ увѣрены въ своей правотѣ, что молятся о томъ, чтобы Богъ сдѣлалъ меня для моего блага такимъ же, каковы они, не дѣлаеть его лучше.

Это такъ вообще; въ частности же постановленіе это несправедливо въ слѣдующемъ; въ постановленіи сказано: «извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достоиніе, явно передъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной».

То, что я отрекся отъ церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я не потому, что я возсталъ на Господа, а напротивъ, только потому, что воѣми силами души желалъ служить Ему. Прежде, чѣмъ отречься отъ церкви и единенія съ народомъ, которое мнѣ было невыразимо дорого, я, по нѣкоторымъ признакамъ усумнившись въ правотѣ церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе церкви; теоретически я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе, практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія. Стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые, не переставая, совершаются духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидѣть, что всѣ эти обряды ничто иное, какъ различные приемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни. Для того, чтобы ребенокъ, если умереть, пошелъ въ рай, нужно умѣть помазать его масломъ и выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести извѣстныя заклинанія; чтобы былъ успѣхъ въ дѣлѣ или спокойное житье въ новомъ домѣ, для того, чтобы хорошо родился хлѣбъ, прекратилась засуха, для того, чтобы излѣчиться отъ болѣзни, для того, чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ, для всего этого и тысячи другихъ обстоятельствъ есть извѣстныя заклинанія, которыя въ извѣстномъ мѣстѣ, за извѣстныя приношенія произносятся священникомъ.

Я дѣйствительно отрекся отъ церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я

буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ.

То же, что сказано, что я «посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный мнѣ отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви» и т. д., и что я «въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ мною, такъ же какъ и учениками моими по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдую съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской»... —то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія. Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа, только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня были, мои книги.

Потомъ сказано, что я «отвергаю Бога во Святой Троицѣ, славимаго Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Иисуса Христа, Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради чловѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицая безсѣменное зачатіе по чловѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы». То что я отвергаю непонятную Троицу и басню о паденіи перваго чловѣка, исторію о Богѣ, родившемся отъ Дѣвы, искупающемъ родъ чловѣческій, то это совершенно справедливо. Бога же Духа, Бога—любовь, единого Бога—начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи.

Еще сказано: «не признаетъ загробной жизни и мздовозданія». Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами, и рая—постояннаго блаженства,—совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда признаю до такой степени, что стоя, по своимъ годамъ, на краю гроба, часто долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его.

Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно справедливо. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ

щимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія .. *).

Такъ вотъ что справедливо и что несправедливо въ постановленіи обо мнѣ Свода. Я дѣйствительно не вѣрю въ то, во что они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое, во что они хотятъ увѣрить, что я не вѣрю. Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, Котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка Христа, Котораго понимать Богомъ и Которому молиться—считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка поэтому только въ увеличеніи въ себѣ любви, что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой къ все большему и большему благу, дастъ послѣ смерти тѣмъ большее благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ царства Божія, т. е. такого строя жизни, при которомъ царствующіе теперь раздоръ, обманъ и насиліе будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собою. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва,—не молитва общественная, въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѡ. VI, 5—13), а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, уединенная, состоящая въ восстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Оскорбляютъ, огорчаютъ или соблазняютъ кого-либо, мѣшаютъ чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои вѣрованія,—я такъ же мало могу ихъ измѣнить, какъ свое дѣло. Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никакъ иначе вѣрить, какъ такъ, какъ я вѣрю, готовясь идти къ Тому Богу, отъ Котораго изошелъ. Я не говорю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнно на всѣ времена истинна,—но я не вижу другой—болѣе простой, ясной и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчасъ же приму ее, потому что Богу ничего,

*) Мы здѣсь прекращаемъ перепечатываніе *первой*, отрицательной по содержанію и апологетической по цѣлямъ, части новой исповѣди—„отвѣта“ гр. Л. Н. Толстого, такъ какъ далѣе, на протяженіи цѣлыхъ ста строкъ (нашего шрифта), идутъ фразы *пустыя* по существу и по бездоказательности, но *тяжкія* по производимому ими на читателя впечатлѣнію,—полныя грубаго кощунства и пошлаго издѣвательства надъ самыми дорогими, священными предметами вѣры не только православныхъ русскихъ людей, но и всякаго христіанина,—каковы, напримѣръ, таинства христіанской вѣры и церкви, иконы, богослуженіе, молитвословія.

кромѣ истины, ненужно. Вернуться же къ тому, отъ чего я съ такими страданіями только что вышелъ, я никакъ уже не могу, какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла. «Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ», сказалъ Кольриджъ. Я шелъ обратнымъ путемъ. Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія; потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это христіанство и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти.

Мысли православнаго епископа *) по прочтеніи новой исповѣди графа Л. Толстого.

Итакъ, послѣ этой новой исповѣди можно ли назвать гр. Толстого принадлежащимъ къ православной церкви и вѣрующимъ по православному? Толстой не только сознательно и послѣдовательно отвергаетъ самые основные догматы христіанства, не только отрицаетъ и хулитъ православную церковь и ея таинства, и всю церковную жизнь и практику представляетъ какимъ то сдѣланиемъ лжи, обмана и грубаго суетвѣрія, но и сознательно бросилъ церковь, завѣщавъ своимъ близкимъ ни напутствовать, ни хоронить его по православному. Относительно отпаденія графа отъ церкви, т. о., не можетъ быть двухъ мнѣній, и самъ графъ признаетъ это. Мы скажемъ болѣе, имѣлъ ли даже право Св. Синодъ, зная объ ученіи гр. Толстого и зная, что это ученіе извѣстно всему міру и привлекаетъ къ себѣ, если не послѣдователей, то всеобщее вниманіе, имѣлъ ли право Св. Синодъ оставаться къ этому равнодушнымъ и предоставлять вѣрнымъ сынамъ церкви соблазняться этимъ равнодушіемъ и терять вѣру въ церковь? Имѣлъ ли право Свят. Синодъ допустить, чтобы надъ графомъ, лицомъ всемірно извѣстнымъ, совершенъ былъ по смерти православный обрядъ погребенія, къ злорадному посмѣянію всѣхъ враговъ церкви и къ соблазну и недоумѣнію всѣхъ вѣрующихъ? Повторяемъ, относительно этого не можетъ быть различныхъ мнѣній. Св. Синодъ, издавъ свое постановленіе, не только

*) Сергія, епископа Ямбургскаго, ректора Петерб. академіи.

воспользовался своимъ неотъемлемымъ и вполнѣ естественнымъ правомъ, но и исполнилъ непремѣнную свою обязанность, отъ исполненія которой онъ никакъ не могъ уклониться. Дай только Богъ, чтобы и впредь наша родная церковь также безбоязненно и твердо предъ лицомъ всего міра произносила свое исповѣданіе, исповѣдала вѣру въ себя и свое божественное призваніе.

Соглашаясь съ основною мыслию постановленія, что онъ отпалъ отъ церкви, графъ Толстой возражаетъ противъ умѣстности такого постановленія и противъ нѣкоторыхъ его частныхъ утвержденій и мыслей. Прежде всего ему кажется несправедливымъ отлучать именно его, тогда какъ многіе и въ разговорахъ, и въ письмахъ, и въ печати высказываютъ свое невѣріе, и никто ихъ не объявляетъ отпавшими отъ церкви. И какъ бы предвидя возраженіе, что его, гр. Толстого, всемірно извѣстнаго писателя, къ слову котораго прислушиваются всѣ, сочиненія котораго переводятся на всѣ языки почти въ моментъ ихъ появленія на русскомъ языкѣ, нельзя же сравнивать съ мелкими литературными и просто словесными сошками, графъ прибавляетъ, что его послѣдователей мало, что распространеніе его писаній ничтожно. Съ этимъ нельзя согласиться. Если мало настоящихъ, искреннихъ послѣдователей Толстого, то ученіе его, по крайней мѣрѣ, въ его основныхъ положеніяхъ, извѣстно всюду, гдѣ только извѣстно имя Толстого, а это имя извѣстно всему читающему міру. Если у насъ въ Россіи не знаетъ этого имени неграмотный народъ, то вѣдь такое положеніе вещей не можетъ продлиться въ вѣчность. Будетъ время, когда всѣ будутъ грамотны, необходимо и это имѣть въ виду и будущихъ ограждать отъ соблазна. Эта-то особенная извѣстность имени гр. Толстого и была причиной, почему церковь, уже давно не пользовавшаяся своимъ правомъ отлученія, на этотъ разъ рѣшилась прибѣгнуть къ нему. Такова практика церкви со времени ея основанія. Снисходя къ немощамъ человѣческимъ, церковь произносила анаѹему только въ крайнихъ случаяхъ, когда соблазнъ былъ чрезвычайнымъ, и когда не было надежды исправить челоуѣка иными средствами. Дѣйствуя такимъ образомъ, церковь поступала вполнѣ основательно и послѣдовательно. Она всегда помнила, конечная участь челоуѣка зависитъ „не отъ клочка писанной или печатной бумаги“, не отъ самаго церковнаго отлученія, а отъ того внутренняго отступленія людей отъ Источника жизни и истины, о которомъ церковное отлученіе только свидѣтельствуетъ. Поэтому, если

бы, по нерадѣнію ли предстоятелей церковныхъ, по ихъ ли излишней снисходительности, какой-нибудь зараженный членъ и остался въ обществѣ вѣрующихъ, отъ невидимаго суда Божія онъ укрыться не можетъ и святости церковнаго тѣла не повредитъ. А съ другой стороны анаѣма никогда, по существу своему, не была орудіемъ кары, какъ бы нѣкоторымъ отмщеніемъ грѣшнику за совершенный грѣхъ. „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“, говоритъ Господь, и церковь, болѣе чѣмъ ктѣмъ-либо, помнитъ эти слова. Церковная анаѣма, поэтому, всегда имѣла въ виду или исправленіе грѣшника, или, если этого нельзя ожидать, то служила оповѣщеніемъ церковнаго общества о появившемся заблужденіи, съ цѣлью огражденія неопытныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была и повѣданіемъ церковной вѣры. Поэтому-то церковь и употребляла это средство только въ исключительныхъ случаяхъ, а такой исключительный случай и явился теперь.

Графъ находитъ неумѣстнымъ синодальное постановленіе потому еще, что оно можетъ оказаться подстрекательствомъ къ дурнымъ поступкамъ и мыслямъ, чего ему приходилось видѣть примѣры. Въ сказанное выше можетъ служить отвѣтомъ и на это недоумѣніе. „Если скажемъ словами самого гр. Толстого, чувашинъ мажетъ своего идеолога сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго моего своего суевѣрія и не касается того, что для меня священно“. И церковь, конечно, прошла бы мимо графа, если бы его проповѣдь не касалась самаго дорогаго церковнаго достоянія, если бы не имѣла цѣлью подбоптать самое священное сокровище церкви. Теперь же церковь должна была оградить это сокровище и вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи и милліоны ея чадъ, которымъ угрожало лишеніе его. Пусть этотъ шагъ церкви „оскорбляетъ, огорчаетъ или соблазняетъ кого-либо, мѣшаетъ чему-нибудь и кому-нибудь, или не нравится“, пусть нѣкоторые ревностные, но не разсуждающіе члены церкви въ этомъ шагѣ найдутъ поводъ въ непохвальномъ выходкѣ, церковь о всемъ этомъ можетъ пожалѣть, но поступить, ради этихъ возможныхъ выходокъ, иначе не можетъ, какъ не поступилъ бы иначе и самъ графъ, если бы находился въ подобномъ положеніи.

Далѣе, графъ называетъ постановленіе „тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются заведомо несправедливыя, клепящіяся къ его вреду утвержденія“. При

мѣромъ такихъ утверженій служить, можетъ быть, то, что Св. Синодъ приписываетъ графу фанатическую ревность о распространеніи его ученія. „Это, говоритъ Л. Н., несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія“. Читателю такое заявленіе Л. Н., конечно, можетъ показаться весьма страннымъ, какъ-бы софизмомъ. Онъ же зналъ, что его сочиненія, особенно въ послѣднее время, всѣ до единой строки будутъ напечатаны и разойдутся въ тысячахъ экземпляровъ? Какъ же онъ можетъ думать, что онъ не виноватъ въ распространеніи своего лжеученія? Св. Синодъ, говоря о томъ, что гр. Толстой съ ревностью фанатика уже много лѣтъ не перестаетъ проповѣдывать ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви, конечно, говорилъ о всей литературной дѣятельности графа, совсѣмъ не касаясь того, самъ ли Л. Н. ходилъ въ народъ и проповѣдывалъ, самъ ли отсылалъ въ типографію свои рукописи или это дѣлали за него его друзья и почитатели. Кто подноситъ человѣку ядъ, конечно, виноватъ; но еще болѣе виноватъ тотъ, кто этотъ ядъ составилъ, зная, что онъ будетъ поднесенъ. Вообще, этотъ пунктъ въ письмѣ гр. Толстого представляется страннымъ и порождаетъ недоумѣніе.

Не менѣе страннымъ является и тотъ пунктъ, гдѣ графъ совершенно недвусмысленно обвиняетъ Св. Синодъ въ сознательной и намѣренной лжи, „въ явной неправдѣ“. Это — относительно „не увѣнчавшихся успѣхомъ попытокъ увѣщанія“. „Ничего подобнаго (не обинуясь утверждаетъ графъ) никогда не было“. Тутъ какое-то трудно понятное недоразумѣніе. Къ Л. Н. приходили священники и говорили съ нимъ о вѣрѣ. Нѣкоторые изъ этихъ священниковъ приходили къ нему говорить о вѣрѣ совсѣмъ не по собственному почину, а были нарочно для этой цѣли посылаемы епархіальнымъ начальствомъ. Графъ съ этими священниками говорилъ, дѣлился потомъ со своими знакомыми и посѣтителями впечатлѣніями отъ этихъ бесѣдъ. Графъ зналъ, что эти священники посланы къ нему отъ архіереевъ (напр., Тульскаго), и своимъ знакомымъ потомъ признавался, что бесѣды священника ему нравятся, только непріятно знать, что священника прислалъ архіерей для его увѣщанія (говоримъ это на основаніи дѣйствительныхъ событий). Какъ же послѣ этого графъ утверждаетъ, что со стороны церкви не было попытокъ увѣщанія, и что Св. Синодъ говоритъ „явную неправду“, упоминая объ этихъ попыткахъ? Отвѣчать на обвиненіе во лжи такимъ же обвиненіемъ мы не думаемъ, а только утверждаемъ,

что графъ Л. Н., во имя истины, самъ долженъ печатно оговориться или же дать своему утверженію какой-нибудь непрямой смыслъ. Можетъ быть, онъ подумалъ, что Св. Синодъ говорить о попыткахъ непосредственно самого Св. Синода. Можетъ быть, онъ думалъ, что мѣстный архіерей послалъ къ нему священника независимо отъ Синода. Во всякомъ случаѣ, оговориться необходимо, иначе на доброе имя писателя ложится страшная и ни для кого не желательная тѣнь.

Графъ утверждаетъ, что оставилъ онъ церковь только послѣ того, какъ теоретически и практически изучилъ и испробовалъ церковное ученіе, послѣ того, какъ прочиталъ всю богословскую литературу и болѣе года слѣдовалъ предписаніямъ церкви, соблюдая посты и проч. Все это, по словамъ графа, только усилило его сомнѣнія и укрѣпило его разочарованіе въ церковномъ христіанствѣ. — Фактъ, конечно, весьма печальный, но, къ сожалѣнію, не единственный и даже не рѣдкій, и происходитъ онъ не отъ ложности церковнаго ученія, не отъ ложности церковной жизни, а отъ душевнаго расположенія и настроенія того, кто къ этому ученію и въ особенности къ этой жизни приступаетъ. Психологію этого особеннаго отношенія къ церкви и ея таинствамъ прекрасно изобразилъ самъ же гр. Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Анна Каренина“, именно тамъ, гдѣ описывается молебенъ у постели умирающаго Николая Левина. Этотъ давнишній невѣръ, жившій вдали отъ церкви, по своимъ законамъ и пр., предъ смертью вдругъ рѣшаетъ служить молебенъ, думая, что у него вдругъ откуда-то появится въ душѣ вѣра, и эта вѣра исцѣлитъ его отъ чахотки. Онъ тупо и бессмысленно смотритъ на икону, усиленно крестится, старается разгорячить себя, но, конечно, ничего изъ этого не получается: послѣ молебна онъ со злостью велитъ убрать икону, разочаровавшись въ ея чудодѣйственности. Это тотъ грубый духовный матеріализмъ, ужасающій примѣръ котораго представилъ Л. Н. въ „Воскресеніи“, думая, что передаетъ ученіе церкви. Человѣкъ не хочетъ понять, что дѣло спасенія совершается путемъ долгаго нравственнаго развитія, что общенія съ Богомъ можно достигнуть только въ святости. Человѣку хочется вдругъ посредствомъ какихъ-либо внѣшнихъ пріемовъ очутиться на вершинѣ духовнаго развитія и вкусить всѣхъ плодовъ его. Таинства для него представляются какими-то лѣкарствами, онъ готовится сейчасъ же ощущать ихъ дѣйствіе внутри себя. Тоже самое и съ остальными церковными установленіями. Конечно, никакихъ немедлен-

ных слѣдствій принятія таинствъ и исполненія церковныхъ предписаній человекъ не замѣчаетъ, а не замѣчаетъ потому, что нравственное развитіе духовное, для котораго установлены таинства и въ предѣлахъ котораго они дѣйствуютъ, для человека представляется безразличнымъ и неинтереснымъ, онъ ищетъ только плодовъ этого развитія, представляющихся для него пріятными, и коль скоро онъ видитъ, что никакихъ непосредственныхъ полутѣлесныхъ, полудуховныхъ измѣненій въ его природѣ отъ таинствъ не происходитъ, начинаетъ утверждать, что никакого дѣйствія отъ таинствъ и нѣтъ, что молитва не помогаетъ, что, наконецъ, все ученіе церкви сплошной обманъ. Л. Н., къ сожалѣнію, пошелъ тѣмъ же путемъ. Ему, гениальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться предъ чьимъ бы то ни было авторитетомъ. Рѣшаясь испробовать церковный путь, онъ захотѣлъ въ то же время и наблюдать, какъ на него будетъ дѣйствовать это новое средство, и, конечно, его средство и этотъ путь скоро ему надобли, ощутительныхъ послѣдствій въ себѣ графъ не замѣчалъ и... обвинилъ во всемъ этомъ не себя, а церковь и ея таинства. Но церковь и таинства спасительны не въ видѣ лѣкарствъ, а подѣ условіемъ внутренняго самоотреченія, распятія своей самости, жертвы собой Богу. Такъ понимаетъ себя церковь, такъ понимаютъ свою жизнь и всѣ православные подвижники, такъ понимаетъ отношенія къ таинствамъ и наш простой народъ, вездѣ и всюду, гдѣ только ему представляется поводъ и возможность выразить въ словахъ и въ дѣйствіяхъ это свое пониманіе.

Еще одно замѣчаніе. Въ концѣ своего письма Л. Н. утверждаетъ, что измѣнить свои мысли онъ можетъ, если ему представятъ другое, болѣе истинное пониманіе жизни, но возвратиться въ церковь онъ не можетъ, „какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла“. Много правды въ этомъ пророчествѣ, и правды самой грустной, трагической. По этому поводу мнѣ вспоминаются слова авторитетнаго обличителя гр. Толстого, Преосвященнаго Антонія, епископа Уфимскаго, (кажется, еще не попавшія въ печать). Преосв. какъ-то высказался, что гр. Толстой, какъ мыслитель, долженъ обратиться, потому что его жизнепониманіе, все его моральное ученіе требуетъ христіанскихъ, православныхъ посылокъ; но, прибавилъ Владыка, едва ли графъ обратится, какъ человекъ. И дѣйствительно, графъ утверждаетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога—Духа, Бога—Любовь, и дума-

еть, что это соединеніе нѣсколькихъ названій вполнѣ выражаетъ его вѣру. Но что такое Богъ-Любовь, если въ то же время Онъ не личность? Имѣеть ли эта любовь вѣчное, премірное значеніе, значеніе непреложнаго и всеобщаго закона міровой жизни, если нѣтъ Бога въ Троицѣ, въ которой любовь эта вѣчно дѣйствительна, вѣчно осуществляется? Не заимствуетъ ли Л. Н. терминъ отъ вѣры, имъ осмѣянной и оставленной? Точно также и относительно безсмертія и мздовоздаянія. Если нѣтъ личнаго, вполнѣ опредѣленнаго и сознаваемаго безсмертія, тогда нѣтъ, конечно, и никакой загробной участи, нѣтъ никакого воздаянія, потому что природа всегда себѣ равна, она не умираетъ и въ общей суммѣ своей никогда не измѣняется. Кто же будетъ переживать и сознавать или, по крайней мѣрѣ, служить объектомъ ожидаемаго графомъ мздовоздаянія и безсмертія? Опять Л. Н., отрицая церковныя понятія о безсмертіи и мздовоздаяніи, влагаетъ въ эти слова однако тотъ смыслъ, сопровождаетъ ихъ тѣми чувствами, какими эти слова сопровождаютъ только въ церковномъ пониманіи, и какія (чувства) не могутъ имѣть мѣста, если брать слова въ ихъ безличномъ смыслѣ, какъ ихъ въ теоріи (но не на практикѣ) понимаетъ гр. Толстой. Получается довольно странное положеніе: человекъ любить, молится, почитаетъ что-то, весь смыслъ своей жизни полагаетъ въ томъ, чтобы исполнять волю кого-то — и въ то же время упорно твердить, что этотъ кто-то или что-то совсѣмъ не имѣетъ ни воли, ни сознанія, что, слѣдов., ни почитать, ни любить его нельзя и, конечно, на любовь и правду его разсчитывать также нельзя. Помните, В. С. Соловьевъ весьма зло осмѣялъ такую странную религіозность и жизнь по вѣрѣ: молиться предмету и просить помощи отъ предмета, который завѣдомо ничего ни сдѣлать, ни даже услышать не можетъ. Если признается возможность и необходимость молитвы, если основа жизни — любовь и Богъ, если человекъ долженъ исполнять волю Его, тогда этотъ Богъ — личный и живой, именно Тотъ Богъ, въ котораго вѣруетъ и Котораго проповѣдуетъ православная церковь, и Котораго графъ теоретически отрицаетъ. Моральное ученіе графа, т. о., должно бы привести его къ церкви, но вотъ можно ли надѣяться на то, чтобы такъ это и случилось въ дѣйствительности? Святитель Тихонъ Задонскій однажды думалъ о томъ, какъ можетъ пасть съ счастья, когда все время онъ долженъ думать о спасеніи другихъ. И вотъ онъ видитъ сонъ. Представляется ему, что онъ поднимается на высокую гору, поднимается

съ трудомъ и усиліями, совершенно одинъ. Но вотъ является кто-то, начинаетъ ему помогать, потомъ подбѣгаетъ еще человѣкъ, и еще, и еще, пока наконецъ не собирается около него цѣлая толпа людей; всѣ они поддерживаютъ его, помогаютъ идти, почти несутъ вверхъ, и онъ уже не чувствуетъ прежней усталости и труда. Такъ ученики помогаютъ учителю восходить все далѣе и далѣе къ совершенству, укрѣпляютъ его въ данномъ направленіи. То же и съ графомъ можетъ быть, только въ обратномъ направленіи. Тѣ же ученики, которыхъ онъ увлекъ за собой изъ церкви, теперь послужатъ для него величайшей помѣхой къ обращенію и покаянію. Ему обратиться теперь труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Но покуда онъ здѣсь, съ нами, покуда не пробилъ для него часъ явиться предъ престоломъ нашего Судіи, до тѣхъ поръ мы еще можемъ надѣяться на милость Божію и можемъ молиться, и усердно молиться, да помилуетъ и да обратитъ Господь раба Своего, и да даруетъ намъ опять вмѣстѣ съ нимъ единымъ сердцемъ и едиными усты восхвалять Его святое Имя.

Открытое письмо графу Толстому отъ бывшаго его единомышленника *), по поводу отвѣта на постановленіе Святейшаго Синода.

Съ того времени, какъ мы разошлись съ вами, Левъ Николаевичъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ православнымъ, а этому есть уже лѣтъ 8—9, я ни разу не разговаривалъ съ вами о томъ, что такъ важно для насъ обоихъ. Иногда меня очень тянуло написать вамъ, но краткое размышленіе приводило меня къ сознанію, что дѣлать этого не нужно, что изъ этого никакого толку не выйдетъ ни для васъ, ни для меня. Теперь я берусь за перо подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго мною вашего отвѣта на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля. Ничего новаго для себя я не встрѣтилъ въ вашемъ отвѣтѣ, тѣмъ не менѣе почувствовалась потребность сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу этой свѣжей вашей исповѣди.

Миѣ, какъ бывшему вашему единомышленнику, интересны, главнымъ образомъ, тѣ основные моменты христіанскаго ученія, на которыхъ держится, съ которыми связано наше теперешнее разногласіе. На нихъ я и хотѣлъ бы остановиться нѣсколько подробнѣе, мимохо-

*) Кандидата Московскаго университета.

домъ лишь отвѣтивъ на прочіе (и даже не на всѣ) пункты вашего писанія.

Вы называете это постановленіе *произвольнымъ*, потому что оно обвиняетъ васъ одного въ томъ, въ чемъ подлежатъ обвиненію многіе. Отчасти вы правы, но только *отчасти*, потому что никто изъ той интеллигенціи, на которую вы указываете, не вступалъ въ *такую* вражду съ церковью и ея ученіемъ, какъ вы. Непризнание чего-либо, даже отрицаніе,—это не то, что *ожесточенная борьба*, да еще *неразборчивая въ средствахъ*. Въ объясненіе и оправданіе послѣдняго замѣчанія приведу вамъ слова человѣка, въ терпимости и высокой порядочности котораго вы едва-ли осмѣлитесь сомнѣваться. Когда я зимой 1900 года спросилъ покойнаго Владиміра Сергѣевича Соловьева, почему онъ, умышленно избѣгавшій раньше полемики съ вами, выступилъ такъ энергично противъ васъ въ своихъ „Трехъ разговорахъ подъ пальмами“, онъ отвѣчалъ: „меня возмутили кощунства „Воскресенія“. Добавлю еще, что истинно вѣрующіе люди едва-ли могутъ имѣть что-либо противъ отлученія отъ церкви и всѣхъ тѣхъ, кто заявилъ бы себя солидарнымъ съ вами. По моему убѣжденію, удерживать ихъ формально въ церкви, когда они реально находятся внѣ ея,—нецѣлесообразно и недостойно православія.

Вы называете постановленіе *неосновательнымъ*, такъ какъ людей единомысленныхъ съ вами всего какая-нибудь сотня, т. е. вовсе не такъ много, какъ утверждаетъ постановленіе. Не стоитъ ли это ваше заявленіе въ противорѣчій съ предыдущимъ замѣчаніемъ, что почти всѣ образованные люди раздѣляютъ съ вами то безвѣріе, въ которомъ обвиняетъ васъ Синодъ? Вы скажете, можетъ быть, что эти интеллигенты солидарны съ вами только въ вашемъ отрицаніи церковнаго ученія? Но вѣдь это-то отрицаніе главнымъ образомъ и имѣетъ въ виду Синодъ, а не тѣ положительныя стороны вашей философіи, въ которой вы насчитываете такъ мало единомышленниковъ.

Что касается клеветы, которую вы усматриваете въ постановленіи, то я ея ни въ чемъ не вижу, ибо не вижу „завѣдомо несправедливыхъ утвержденій касательно васъ, клонящихся къ вашему вреду“. Не могу согласиться съ вами и въ томъ, что оно есть подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ. Въ доказательство послѣдняго вашего положенія вы приводите выдержки изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ вами послѣ отлученія. Я согласенъ съ вами, что письма эти не хороши,

что они слишкомъ отзываютъ тѣмъ Иліинымъ духомъ, который не одобрилъ Спаситель въ сынахъ Зеведеевыхъ, выразившихъ желаніе свести огонь съ неба на оскорбившихъ Учителя самарянъ: „Не знаете, какого вы духа“, — сказалъ ученикамъ Христосъ. Не знаютъ Христова духа и авторы этихъ писемъ. Но при чемъ тутъ постановленіе Синода? Вы съ большей основательностью могли бы упрекнуть приходскихъ пастырей въ нерадѣніи къ духовному устроенію словесныхъ овецъ, обнаруживающихъ волчьи зубы. Вы скажете, можетъ быть: Синодъ долженъ былъ предвидѣть это. Пусть такъ, но нельзя было этого предупредить. Не публиковать постановленія, — возразите вы. Но вѣдь въ такомъ случаѣ придется совсѣмъ сложить руки, такъ какъ почти всякое постановленіе можетъ быть нелѣпо понято и дурно принято невѣжествомъ и неразумительностью. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить ваше ученіе: припомните, какой видъ оно принимало, проходя чрезъ разнокалиберныя головы и сердца послѣдователей вашихъ?! Вамъ это извѣстно, конечно, лучше, чѣмъ мнѣ, — а и мнѣ хорошо извѣстно...

Далѣе вы признаетесь, что вы отреклись отъ православной церкви, но не потому, что возстали на Господа, а напротивъ, только потому, что всѣми силами души желали служить Ему. Не знаю, умышленно ли вы опустили слова „и на Христа Его“, упомянутыя въ Синодальномъ постановленіи и однажды приведенныя вами... Ихъ нельзя опускать. Церковь православная (и не только православная) тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Христомъ. И для всякаго мало-мальски мыслящаго (равно какъ и для не мыслящаго, а одной дѣтскою вѣрою ходящаго) православнаго отреченіе отъ церкви есть и отреченіе отъ Христа (и возстаніе на Отца Его), ибо Христосъ есть Глава церкви, церковь же Тѣло Его. На *Сего-то* Христа вы дѣйствительно, возстали, что и сами признаете спустя нѣсколько строкъ. Служить же вы хотите не Ему и не Тому Отцу Его (Господу), Котораго знаетъ и признаетъ вселенское христіанство, начиная отъ православнаго и католика и кончая лютераниномъ, штундистомъ и пашковцемъ, а какому-то невѣдомому безличному началу, столь чуждому душѣ человѣческой, что она не можетъ прибѣгать къ нему ни въ скорбныя, ни въ радостныя минуты бытія своего.

Не буду касаться вашихъ замѣчаній о томъ, *какъ вы изслѣдовали ученіе церкви*, а равно и достоинствъ вашихъ богословскихъ трудовъ. Объ этомъ довольно писалось за послѣднія 10—15 лѣтъ.

Позволю, впрочемъ, себѣ сказать нѣсколько словъ. Можно пожалѣть, что вамъ пришлось знакомиться съ христіанскимъ богословіемъ по руководству м. Макарія. Можетъ быть, пріобщеніе на первыхъ порахъ къ болѣе жизненной и животворящей мысли богослововъ-подвижниковъ раскрыло бы вамъ глубочайшую связь между христіанскимъ вѣроученіемъ и нравственностью, а главное, ввело бы васъ въ сферу внутренняго духовнаго опыта, *при которомъ только* и можно непоколебимо вѣрить въ догматъ и сознательно его исповѣдывать.

Далѣе вы говорите о церковныхъ обрядахъ, о нѣкоторыхъ догматическихъ вѣрованіяхъ и таинствахъ. Все это вамъ представляется ложью, кощунствомъ, колдовствомъ, обманомъ. Не входя въ подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература послѣднихъ лѣтъ, разбирая ваши произведенія, я останавлиюсь на нѣкоторыхъ *общихъ* соображеніяхъ. Въ одной изъ главъ вашей критики догматическаго богословія вы, говоря о церкви, выражаетесь приблизительно такъ: „при словѣ „Церковь“ я ничего другого не могу представить, какъ нѣсколько тысячъ длинноволосыхъ невѣжественныхъ людей, которые находятся въ рабской зависимости отъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ же длинноволосыхъ людей“... Я не опровергаю этого больше чѣмъ наивнаго опредѣленія церкви, ибо знаю, что опроверженіе бесполезно, такъ какъ опредѣленіе это вытекло не изъ логики, а изъ непосредственнаго воспріятія вами фактовъ текущей церковной дѣйствительности. Пусть будетъ по вашему, пусть понятіе о церкви сводится къ понятію о духовенствѣ, и пусть все это духовенство будетъ сплошь невѣжественно и корыстно, пусть оно изъ самыхъ низменныхъ мотивовъ поддерживаетъ церковное ученіе... Пусть будетъ по вашему, но вѣдь должны же вы были задуматься надъ вопросомъ: когда возникло это ученіе? Вѣдь не нынѣшними же, по вашему предвзятому представленію, „невѣждами и корыстелюбцами“ установлены таинства, даны догматическія опредѣленія, введены богослужебные обряды... Вѣдь о важнѣйшемъ таинствѣ, вызывающемъ самыя яростныя нападки съ вашей стороны, мы узнаемъ еще въ новомъ завѣтѣ. Обращаю ваше вниманіе на слова ап. Павла (Посл. къ Кор.), который, очевидно, понималъ слова Спасителя о Тѣлѣ и Крови такъ, какъ понимаемъ мы — православные. Что онъ придавалъ *таинственное* (въ нашемъ православномъ смыслѣ) значеніе священной трапезы, это видно изъ того, что въ зависимость отъ недостойнаго вкушенія оной ставилъ болѣзни и

даже смерть вѣрующихъ. Не въ евангеліи ли Христосъ исповѣдывается Богомъ? Не въ посланіяхъ ли апостольскихъ искупленіе является красугольнымъ камнемъ ученія? Не ближайшіе ли ученики Спасителя (и самъ апостоль любви) посѣщаютъ Іерусалимскій храмъ для молитвы? Не въ первые ли вѣка (II и III) развивается богослужебный чинъ христіанскій? Не поддерживаютъ ли все это и не полагаютъ ли жизнь свою за то, что вы обругиваете, какъ ложь, колдовство и обманъ, ученики Христовы и ученики Его учениковъ? Левъ Николаевичъ! Вы говорите, что любите истину больше всего на свѣтѣ. Докажите же это на дѣлѣ: отрѣшитесь на самое короткое время отъ вашего обычнаго отношенія къ сущимъ церковникамъ и, забывъ ихъ, перенеситесь мысленно въ первые вѣка христіанства. Неужели вы дерзнете упрекнуть въ невѣжествѣ, сребролюбіи, недобросовѣстности тѣ сотни, тысячи христіанскихъ подвижниковъ, изъ которыхъ одни вызывали восторгъ и удивленіе своими добродѣтелями даже во враждебно настроенныхъ къ христіанству язычникахъ, другіе проявили глубочайшую мудрость въ своихъ философскихъ и богословскихъ трудахъ? Вспомните Поликарпа, Іустина Философа, Антонія и Макарія Великихъ, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Блаж. Августина, Оригена Адамантоваго... Чѣмъ объясняете вы *ex nihilo* и въ тысячахъ имъ подобныхъ самоотверженныхъ служителей истины—эту вѣрность церковному ученію и именно той его сторонѣ, которую вы не хотите назвать даже заблужденіемъ, а непременно ложью и обманомъ? Любовь къ истинѣ, которую вы, не колеблясь, признаете въ себѣ, требуетъ, чтобы вы подыскивали другое объясненіе для возникновенія тѣхъ вѣрованій, которыя вы клеймите позорнымъ именемъ колдовства, лжи и бессмыслицы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первый періодъ своего обращенія къ церкви, я прочиталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ прекрасныя статьи проф. Герье о Францискѣ Ассизскомъ и Екатеринѣ Сиенской. Статьи эти драгоцѣнны тѣмъ, что въ нихъ мы находимъ безпристрастное и въ то же время глубоко-продуманное изложеніе фактовъ внѣшней и внутренней жизни названныхъ католическихъ святыхъ, фактовъ тщательно проверенныхъ и пропущенныхъ чрезъ горнило строгой исторической критики. Въ обоихъ житіяхъ (да позволено будетъ назвать такъ эти чудныя монографіи!), особенно въ житіи Екатерины (которую, кстати сказать, св. Димитрій Ростовскій именуетъ блаженною въ церковномъ значеніи этого слова)—съ удивительной яркостью выступаютъ

личные отношенія души человѣческой ко Христу. Всѣ изумительныя явленія *нравственной* жизни Екатерины, поражавшія своей необычайностью и покорявшія своей силой даже людей къ ней враждебно настроенныхъ, оказываются тѣснѣйшимъ образомъ связанными съ личнымъ ея отношеніемъ къ Живому Христу Господу. Зависимость эта сказывается такъ ярко, такъ непререкаемо, что нѣкоторые невѣрующіе, но не ожесточенные противъ церкви люди въ недоумѣніи потуляли очи при чтеніи этого произведенія ученаго автора и—задумывались. Такъ вотъ, когда я по прочтеніи названныхъ статей попалъ въ одинъ московскій кружокъ молодежи, состоящій изъ лицъ, вамъ (а раньше и мнѣ) очень близкихъ, и заговорилъ съ недавними своими единомышленниками о центральномъ пунктѣ христіанства—Самомъ Богочеловѣкѣ и о необходимости для христіанина живого, ощущаемаго общенія съ Нимъ, причемъ сослался (по малости собственнаго духовнаго опыта) на житіе Екатерины, то встрѣтилъ рѣшительный и единодушный отпоръ: для слушателей казалось нелѣпостью общеніе съ „мертвецомъ, давно сгнившимъ“. Самосознаніе Екатерины и ей подобныхъ лицъ, опирающихся въ своей нравственной жизни на Христа распятаго и *воскресшаго*, представлялось *самообманомъ*. У меня осталось впечатлѣніе, что это—ваша мысль, Л. Н—чь. Да и трудно, правду сказать, найти третье объясненіе, если не принимать того, которое предлагаютъ люди, свидѣтельствующіе о живомъ союзѣ своемъ съ Воскресшимъ.

Но любовь къ истинѣ позволить ли остановиться и на теоріи самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшія движенія души человѣческой и высочайшіе акты воли порождены были самообманомъ т. е. въ сущности неправдой? Или, можетъ быть, самообманъ состоялъ не въ томъ, что люди мечтой своего воображенія умножили въ себѣ добродѣтель, а въ томъ, что эту собственную, самодѣльную, такъ сказать, добродѣтель мысленно связывали, безъ всякой нужды и выгоды для добродѣтели, съ своимъ фантастическимъ вѣрованіемъ въ „Воскресшаго Мертвеца“, питающаго Своею плотью и кровью? Но тутъ является новое затрудненіе. Какъ объяснить себѣ, что на разстояніи столькихъ вѣковъ люди различныхъ національностей, различнаго образованія, пола, возраста, общественнаго положенія подпадаютъ такому *странному* обольщенію, усваиваютъ, очевидно, *ненужное* и столь несвойственное „здравому смыслу“ вѣрованіе? Удивительно, что и развитіе такъ называемаго положительнаго знанія не освободило людей отъ это-

го историческаго, изъ вѣка въ вѣкъ переходящаго кошмара: Паскаль, Гладстонъ, нашъ Владиміръ Соловьевъ—тому живые примѣры... Знамательно также, что тончайшіе психологи оказываются въ спискѣ этихъ, по вашему, безумцевъ, послѣдователей Назарейской ереси. Чего стоитъ одинъ Исаакъ Сиринъ, столько же превосходящій васъ (даже васъ, говорю безъ всякой ироніи) глубиной психологическаго анализа, сколько и высотой своего *истинно* духовнаго настроенія?! Вѣдь если есть дѣйствительная психологія, такъ главнымъ образомъ (если не исключительно) у тѣхъ подвижниковъ христіанства, которые утверждались на камнѣ „безумнаго“ вѣроученія церкви. Неужели эти сердецвѣдцы не могли разобраться въ такой *очевидной*, по вашимъ словамъ, лжи? Странно, больше того,—непостижимо это эпидемическое ослѣпленіе, идущее изъ рода въ родъ въ столькихъ народахъ...

Миную ваши обычные упреки по адресу церкви за искаженіе ею ученія Христа о судахъ, войнахъ и др. родахъ насилія. Прочтите, если вы не читали, „Три разговора“ Владиміра Соловьева: тамъ сказано объ этомъ много такого, что должно бы казаться, заставить васъ задуматься...

Перехожу къ вашему заключительному *profession de foi*. Нѣсколько разъ перечитывалъ я этотъ краткій символъ вѣры вашей и каждый разъ неизмѣнно испытывалъ одно и то же тоскливое, гнетущее чувство. Слова все хорошія: Богъ, Духъ, любовь, правда, молитва, а въ душѣ пустота получается по прочтеніи ихъ. Не чувствуется въ нихъ жизни, вліянія Духа Божія... И Богъ, и Духъ, и любовь, и правда—все какъ-то мертво, холодно, разсудочно. Невольно вспоминается вашъ переводъ 1 гл. евангелія отъ Іоанна, гдѣ вы глубокое, могучее „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“ замѣнили жалкимъ „въ началѣ было разумѣніе, разумѣніе стало вмѣсто Бога, разумѣніе стало Богъ“. Левъ Николаевичъ, какой же это Богъ—разумѣніе?! Вѣдь попросту сказать, вашъ Богъ есть только ваша *идея*, которую вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону въ теченіе 2 десятилѣтій. Вы никакъ не можете выйти изъ заколдованнаго круга собственнаго „я“ Даже въ молитвѣ, этомъ высочайшемъ душевномъ актѣ, неложно связующемъ христіанина съ Богомъ и раздвигающемъ границы человѣческаго „я“ до безконечности Божіей, вы остаетесь одиноки—съ однимъ собой, въ одномъ себѣ. Ваша молитва (по вашему же признанію) есть лишь усиліе и усиленіе вашего сознанія, а не дѣйствительная бесѣда души человѣческой съ живыми

Богомъ, она суть искусственный психическій актъ выдвиганія передъ сознаниемъ извѣстной идеи, а не приобщеніе къ живому, приснотекущему Источнику благодати, орошающему изсохшую землю сердца нашего. Вѣра ваша такая же отвлеченная, разсудочная и мертвая, какъ и вѣра тѣхъ ортодоксовъ, которые ограничиваются философскимъ признаніемъ догмы, забывая „что истина познается не логическими разсужденіями, а всею цѣлостію нашего нравственнаго существа, требующаго для приобщенія къ истинѣ *опредѣленнаго* религіознаго подвига. Какъ они, такъ и вы мало разумѣете, что вѣра (съ характеромъ которой въ тѣснѣйшей связи стоитъ и характеръ молитвы, этого, такъ сказать барометра духовной жизни) есть нѣчто болѣе глубокое, сильное и дѣйственное, чѣмъ обычный актъ сознанія или нѣкоторая идейная настроенность.

Есть вѣра отъ слуха (Рим. X. 17) и есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе (Евр. XI. 1) Вотъ эта-то вѣра, *осуществляющая* ожидаемое и этимъ дающая непоколебимую увѣренность въ невидимомъ,— и чужда вамъ, ибо дается она только Богочеловѣкомъ Христомъ, черезъ Кого *единственно* мы получаемъ, еще живя на землѣ, сей доступъ къ Небесному Отцу и къ дарамъ Его милости. Отметая Христа Искупителя, вы неизбежно лишаете вашу душу Его благодатнаго воздѣйствія, а потому не имѣете того духовнаго опыта, который, когда вы говорите о добродѣтеляхъ, помогъ бы вамъ отличить любовь Христову отъ естественной благонастроенности, благодатную кротость отъ самообладанія (или природной тихости), смиреніе отъ снисходительности, мудрое во Христѣ терпѣніе отъ безплоднаго самоистязанія. Потому-то вы не понимаете великаго значенія вѣры въ Христа распятаго и воскресшаго, необходимости ея для *истиннаго* возрожденія человѣка, ибо самое возрожденіе вамъ невѣдомо...

У васъ, какъ это ни странно многимъ слышать, нѣтъ чѣрилы для оцѣнки и опредѣленія важнѣйшихъ нравственныхъ переживаній души человѣческой,—переживаній, доступныхъ самымъ простымъ и не книжнымъ людямъ, о которыхъ апостоль сказалъ, что Богъ избралъ не мудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ, чтобы посрамить сильное, для того, добавляетъ апостоль, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ. Да, какъ ни бессмысленно это на иной взглядъ, но духовное вѣдѣніе, доступное Павлу Препростому (IV в.), не дано Льву Мудрому, святилище тайнъ Христовыхъ, открытое для перваго, закрыто передъ вторымъ...

Эпиграфомъ съ эпилогомъ своей статьи вы избрали слова Кольриджа, — слова настолько значительныя, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Въ нихъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени заключается разгадка того недоразумѣнія, которое существуетъ между вами и церковью „Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбить христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“. Не знаю, съ котораго конца подойти къ этому афоризму: почти каждое слово требуетъ комментарія. Начну, пожалуй, съ фактической провѣрки даннаго положенія. Вотъ передъ нами апостоль Павелъ, особенно, помнится, нелюбимый вами за мнимое искаженіе ученія Христова, больше другихъ апостоловъ потрудившійся надъ устроеніемъ церкви. Чѣмъ же онъ кончилъ? Тѣмъ, что полюбилъ себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ?! Заклятый врагъ истины не позволить себѣ сказать этого о немъ, величайшемъ изъ великихъ людей, вся жизнь котораго со времени обращенія его ко Христу была сплошнымъ мученическимъ подвигомъ, и въ любящемъ сердцѣ котораго не тѣсно было многимъ народамъ. Вспомните и весь сонмъ апостольскій... Вспомните ближайшихъ учениковъ Христа—Петра и Іоанна, единомысленныя посланія которыхъ съ искаженнымъ, какъ и у Павла, ученіемъ Христовымъ передъ нашими глазами... Чѣмъ кончаютъ они? Изгнаніемъ, мученичествомъ. Оставляю въ сторонѣ періодъ гоненій, когда такъ мало помышляли о покоѣ, а такъ много проливали крови за воскресшаго Христа и церковь Его Святую, и опять напоминаю вамъ о подвижникахъ пустынь—Антоніи, Макаріи, Исаакѣ (и другихъ, имъ же нѣтъ числа), объ отцахъ и учителяхъ церкви—Златоустѣ, Василии, Григоріи, Августинѣ, о болѣе близкихъ къ намъ Сергіи Радонежскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, св. Филиппѣ, Тихонѣ (Задонскомъ)... Не знаю, какъ вы, Левъ Николаевичъ, а я очень желалъ бы любить свое спокойствіе *такъ*, какъ любили свое эти рабы Христовы и служители церкви. Увѣренъ, что и Господь такому моему спокойствію порадовался бы.

Очевидно, мысль, которую вы хотѣли выразить или подтвердить словами Кольриджа, не оправдывается фактами. И не оправдывается потому, что понятія тутъ перенутаны, сдвинуты съ своихъ основъ, поставлены въ взаимную связь по случайнымъ, а не по существеннымъ признакамъ. Вы отдѣляете истину отъ христіанства, хотя въ послѣднихъ строкахъ и заявляете, что *до сихъ поръ* истина совпадаетъ для

васъ съ христіанствомъ, какъ вы его понимаете. Для тѣхъ же великихъ и святыхъ людей, о которыхъ я только что говорилъ, и жизнь которыхъ представляетъ такое блестящее опроверженіе афоризма Кольриджа, истина *безусловно* совпадаетъ съ христіанствомъ. Для нихъ *Христосъ* есть Истина *абсолютная*, ибо въ Немъ, по слову апостола, обитаетъ полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 9). Мало того, для нихъ и церковь была неразрывно связана съ истиной, что видно изъ словъ того же апостола, называющаго церковь столпомъ и утвержденіемъ истины (I Тим. III, 15). Вѣрованіе ап. Павла было вѣрованіемъ и прочихъ апостоловъ, „самовидцевъ Слова“, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ писанія, этотъ, кстати сказать, *единственный документъ*, знакомящій насъ съ ученіемъ Христовымъ. Вѣру апостоловъ раздѣляли и ихъ ученики; эту же вѣру приняли и исповѣдывали и христіане послѣдующихъ вѣковъ. Итакъ, вы видите, что всѣ эти люди любили христіанство и церковь, *какъ истину*, т. е. истина совпадала для нихъ съ христіанствомъ, какъ они понимали его: иначе сказать, они никакъ не менѣе васъ были правы передъ истиной, а если посмотрѣть на *жизнь* ихъ, то несомнѣнно, окажется, что даже превосходили васъ любовью къ ней...

Неосновательно разъединивъ истину, христіанство и церковь, реченіе Кольриджа такъ же неосновательно смѣшиваетъ церковь съ сектой. Для Кольриджа такое смѣшеніе естественно: онъ не зналъ церкви, а видѣлъ секты, именующія себя церквами: свои выводы изъ наблюдений надъ сектами онъ перенесъ на церковь. Между тѣмъ многое, что приложимо къ сектѣ, вовсе не приложимо къ церкви. Впрочемъ я не стану *безусловно* оспаривать мысли, выраженной въ словахъ Кольриджа. Возможно, — и, къ сожалѣнію, нерѣдко случается, — что люди, принадлежащіе къ церкви, уподобляются сектантамъ по своему душевному устроенію. Разумѣю тѣхъ, кто вступаетъ въ церковь, ища въ покорномъ послушаніи ей, какъ *внѣшнему авторитету*, лѣниваго покоя для своей истомленной головы. При такомъ отношеніи къ церкви движеніе впередъ по пути усвоенія истины прекращается, вѣра и любовь изсякаютъ, въ душѣ рождается сектантское самодовольство съ неизбѣжными спутниками: фанатизмомъ и нетерпимостью. Но эти случаи, мало ли ихъ будетъ, или много, не измѣняютъ *существа* дѣла, не опровергаютъ истинности христіанства и церкви (хотя и вносятъ соблазнъ въ многія людскія души), подобно тому, какъ превалирующее количество

эгоистовъ въ мірѣ не подрываетъ въ глазахъ разумнаго человѣка правды нравственнаго закона (хотя и пораждаеть въ иныхъ сердцахъ сомнѣніе въ силѣ его).

На ваше послѣднее признаніе, что вы радостно и спокойно приближаетесь къ смерти, — ничего не скажу. Будущее, неизвѣстное и вамъ, и мнѣ, скажетъ свое слово о вашемъ спокойствіи и вашей радости...

Простите, если чѣмъ нечаянно обидѣлъ васъ. Л. Н.—чъ. Говорю „нечаянно“, потому что во все время писанья не замѣчалъ въ себѣ ничего къ вамъ враждебнаго. Напротивъ, съ первыхъ страницъ моего письма всплыли изъ далекаго прошлаго наши дружескія отношенія, и образъ ихъ не покидаеть меня доселѣ. Мнѣ грустно, что ихъ нѣтъ теперь и не можетъ быть, пока между нами стоитъ Онъ, Господь Мой и Богъ мой, молитву къ Кому вы считаете боюнствомъ, и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о васъ и о близкихъ вашихъ съ тѣхъ поръ, какъ, разойдясь съ вами, я послѣ долгихъ блужданій по путямъ сектанства вернулся въ лоно церкви Христовой. Для всѣхъ насъ „время близко“, а для васъ, говоря по *человѣческому* разсужденію, — и очень близко... Но я не теряю окончательной надежды, что вамъ, которому такъ хорошо знакомо слово евангелиста Іоанна, что „всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога“ (1 Іоан. 3, 10), откроется истинный смыслъ и другого слова того же апостола любви, что „не есть отъ Бога и всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти“; тогда, можетъ быть, въ послѣднія минуты вашего земнаго странствія, Образъ Воскресшаго зажжется яркимъ пламенемъ въ душѣ вашей, и вы, выйдя изъ мрака въ „чудный свѣтъ“ Его, подобно блаженному Августину, если не воскликнете, то въ тайнѣ сердца вашего изречете: *Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi!*

Несправедливое нареканіе на Пермское духовенство.

Недавно поступила въ редакцію для напечатанія на страницахъ Еп. Вѣдомостей копія съ официального документа по поводу газетнаго извѣстія о странномъ фактѣ, имѣвшемъ якобы мѣсто во время праздника столѣтняго юбилея Пермской духовной семинаріи. Дѣло идетъ о товарищескомъ завтракѣ бывшихъ питомцевъ семинаріи, собравшихся

на юбилей своей *almae matris*, и о либеральномъ тостѣ, произнесенномъ будто бы на этомъ завтракѣ однимъ изъ участниковъ его—священникомъ. Краснорѣчивая реляція объ этомъ завтракѣ— „вѣнцѣ юбилейныхъ торжествъ“ (?) появилась первоначально на страницахъ газеты „Уральская жизнь“, а затѣмъ съ оскорбительными для чести Пермскаго духовенства комментаріями перепечатана въ нѣкоторыхъ другихъ какъ періодическихъ, такъ и повседневныхъ органахъ, въ томъ числѣ даже столичныхъ. Не смотря на слышавшіеся отъ нѣкоторыхъ участниковъ названнаго завтрака возраженія, что въ газетныхъ корреспонденціяхъ факты извращены, то, что было на самомъ дѣлѣ, раздуто и искажено, намъ доселѣ не пришлось встрѣтить печатнаго опроверженія того, что отвергалось на словахъ. Это давало основаніе думать, что описанное могло имѣть мѣсто въ дѣйствительности.

Для разсѣянія недоумѣній и возстановленія истины печатаемъ на страницахъ Еп. Вѣдомостей присланную намъ копію. Вотъ копія:

„По случаю столѣтняго юбилея Пермской духовной семинаріи, *въ здании городского общественнаго собранія*, 13 Ноября 1900 года, *по инициативѣ свѣтскихъ лицъ* изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, занимающихъ различныя должности въ правительственныхъ и др. учрежденіяхъ, состоялся товарищескій завтракъ, на которомъ, кромѣ приглашеннаго городского и частію уѣзднаго духовенства, присутствовали представители земства, врачей, учителей, земскихъ начальниковъ, чиновъ акцизнаго вѣдомства казенной палаты, полиціи и городского управленія. Духовенство, явившееся на завтракъ въ числѣ 12 священниковъ и 1 діаконъ изъ Пермской епархіи и 3 свящ.-Екатеринб. епархіи, находило для себя неудобнымъ и неделикатнымъ отказаться отъ участія на этомъ завтракѣ своихъ товарищей по семинаріи, опасаясь своимъ отказомъ, навлечь на себя нареканія въ отчужденности отъ общественной жизни и въ отсутствіи солидарности и пр. Завтракъ прошелъ въ высшей степени оживленно, и, по своей сердечности, искренности и непринужденности, съ которымъ собравшіеся на него бывшіе семинаристы (45 чел.) дѣлились лучшими своими воспоминаніями изъ прошлаго, носилъ простой, семейный характеръ.

Къ сожалѣнію, сначала въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ (Уральск. Жизнь и Екатеринбург. Епарх. Вѣдом.), а затѣмъ со словъ послѣднихъ и въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ (Гражд. и Моск. Вѣд.) послѣ всѣхъ семинарскихъ юбилейныхъ торжествъ появились за-

мѣтки и сенсационныя сообщенія, въ которыхъ неизвѣстные корреспонденты по совершенно непонятнымъ побужденіямъ старались набросить крайне неблагоприятную и даже позорную тѣнь на участниковъ означеннаго товарищескаго завтрака, и, въ особенности, на присутствовавшее на немъ духовенство, огульно обвиняя послѣднее въ увлеченіи либеральными идеями. Это обвиненіе, довольно рѣзкое, высказала сначала редакція Екатер. Епарх. Вѣдомостей, въ 23 № за 1900 г., основывая свое сужденіе исключительно на корреспонденціи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ 321 № „Уральской Жизни“, гдѣ, между прочимъ, приводится содержаніе тоста одного изъ бывшихъ семинаристовъ, свящ. І. Шестакова, который, по словамъ корреспонденціи, „поднялъ бокаль за тѣхъ воспитанниковъ семинаріи, которые не только сами идутъ, но и другихъ ведутъ по тому пути, который принято называть прогрессомъ, причѣмъ пожелалъ, чтобы и въ новомъ столѣтіи воспитанники Пермской Семинаріи стояли на гребешкѣ волны всякой гуманной и прогрессивной дѣятельности“. Тостъ этотъ, по словамъ неизвѣстнаго корреспондента, былъ принятъ, видимо, съ восторгомъ,—слова оратора были покрыты криками „браво“ и звуками „марсельезы“. Спустя уже 4 мѣсяца послѣ товарищескаго обѣда, по поводу этого же тоста свящ. Шестакова, появилась редакціонная статья въ газетѣ „Гражданинъ“, очень рѣзкая по своему характеру и содержанію и крайне обидная и оскорбительная для участниковъ товарищескаго завтрака, и, въ особенности для присутствовавшаго на немъ духовенства, въ которой детально разбирается и обсуждается означенный тостъ о. Шестакова, при чемъ весьма жестко и ядовито порицается и осуждается поведеніе „священниковъ-либераловъ“, позволившихъ себѣ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ чествовать 100-лѣтній юбилей своей *alma mater*—пожеланіемъ, чтобы въ отмѣну Христовой заповѣди прежде всего вѣчной, пастыри церкви стали гребешками, или, что тоже, игрушками волнъ прогресса и гуманности (Гражд. № 16).

Въ видахъ возстановленія поправной чести и пастырскаго авторитета печатно скомпроментированнаго градо-Пермскаго духовенства, послѣднее считаетъ себя нравственно обязаннымъ выяснить истинное положеніе дѣла и исправить вкравшіяся сначала въ провинціальныя а потомъ и въ столичныя газеты и корреспонденціи, нѣкоторыя неточности.

Прежде всего необходимо указать здѣсь на одно обстоятельство, которое, несомнѣнно, имѣетъ весьма важное значеніе для выясненія

вопроса, въ какомъ порядкѣ происходилъ товарищескій завтракъ, кто и какія рѣчи и тосты произносилъ на этомъ завтракѣ и пр. Черезъ два дня послѣ завтрака, въ мѣстномъ официальномъ органѣ (№ 249 Перм. Губ. Вѣд.) появилось слѣдующее сообщеніе, подѣ заглавіемъ: „Юбилейные дни семинаріи“. „13 ноября въ помѣщеніи Общественнаго Собранія состоялся товарищескій завтракъ бывшихъ семинаристовъ. Завтракъ прошелъ въ высшей степени оживленно и носилъ безусловно простой, симпатичный характеръ. Всѣ собравшіеся отрѣшились отъ своего настоящаго и возвратились къ прошлому, которое ихъ связало на всю жизнь. Здѣсь не было священниковъ, учителей, докторовъ, чиновниковъ и т. п.,—здѣсь была дружная семья семинаристовъ. Составился хоръ, который исполнилъ нѣсколько излюбленныхъ пѣсень и гимновъ. Присутствующіе почтили память всѣхъ покойныхъ ректоровъ, преподавателей и семинаристовъ, а передъ портретомъ архимандрита Іеронима было прочтено стихотвореніе о. Ш. Было провозглашено множество тостовъ: за семинарію, за ея традиціи, за бывшихъ семинаристовъ и т. д., и т. д. Между прочимъ, возникла мысль учредить бюро оказанія помощи бѣднымъ семинаристамъ, стремящимся къ высшему образованію. Сейчасъ-же была избрана особая коммиссія изъ десяти человекъ. Съ большимъ энтузіазмомъ было встрѣчено чтеніе стихотворенія священника о. В. Кыштымова „на столѣтіе семинаріи“. Этимъ завтракомъ закончилось трехдневное празднованіе столѣтія Пермской семинаріи *). Большинство съѣхавшихся на праздникъ возвратились къ своимъ обязанностямъ, унося въ душѣ самыя свѣтлыя впечатлѣнія объ этомъ праздникѣ и оставляя своей родной семинаріи пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія“. Въ означенномъ сообщеніи ничего не говорится о тостѣ о. Шестакова, и лишь только упоминается о прочтенномъ имъ предъ портретомъ архимандрита Іеронима стихотвореніи, состоящемъ всего изъ 4 строчекъ и напечатанномъ на страницахъ

*) Здѣсь авторъ сообщенія допустилъ неточность. Празднованіе юбилея происходило 10—12 ноября 10 ноября совершена была заупокойная литургія (а наканунѣ заупокойное всенощное бдѣніе) и панихида по всѣмъ почившимъ покровителямъ, начальникамъ, наставникамъ и питомцамъ семинаріи, а вечеромъ торжественное всенощное бдѣніе. Въ 11 число—самый день юбилея—совершена была архіерейскимъ служеніемъ литургія съ благодарственнымъ молебномъ, затѣмъ въ залѣ семинаріи состоялся торжественный юбилейный актъ съ чтеніемъ исторической записки, адресовъ, привѣтственныхъ телеграммъ и пр. Послѣ акта въ стѣнахъ семинаріи предложенъ былъ гостямъ чай и скромная братская трапеза. 12 числа—воскресенье—было торжественно отпра-

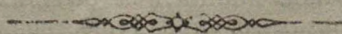
„Уральской Жизни“. Справедливость требует сказать, что тостовъ за завтракомъ говорилось довольно много, но никто изъ ораторовъ не выходилъ при этомъ изъ рамокъ приличія; тосты провозглашались самые обыкновенные, безъ всякой претензіи на „либерализмъ“, который былъ бы безусловно непозволителенъ не только для духовенства, но и для другихъ участниковъ завтрака, среди которыхъ были представители полиціи, земскихъ начальниковъ и др., свято охраняющіе интересы церкви и Государства и во всякомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не допустившіе бы проповѣдывать, хотя и на товарищескомъ завтракѣ, какія-то либеральныя идеи. Правда, по заявленію одного изъ участвующихъ, свящ. Шестаковъ (запрещенный въ священнослуженіи съ 21 іюня 1900 г.) въ концѣ завтрака имѣлъ попытку сказать нѣсколько словъ и уже приступилъ было къ произнесенію чего-то, не испросивъ предварительно разрѣшенія распорядителя завтрака, доктора П. Н. Серебренникова, какъ это требовалось по условію, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и непрощенный ораторъ немедленно былъ остановленъ, такъ что ему по необходимости пришлось ретироваться и... замолчать. Что именно хотѣлъ сказать и сказалъ о. Шестаковъ,—этого никто не зналъ и не слышалъ,—пока слова его не были напечатаны въ „Уральской Жизни“. Можно предполагать, что авторомъ корреспонденціи, помѣщенной въ № 321 „Уральской Жизни“, былъ никто иной какъ самъ виновникъ составленныхъ, но на завтракѣ не произнесенныхъ словъ священ. І. Шестаковъ. Слова о. Шестакова заключаютъ въ себѣ, какъ сказано выше, пожеланіе, чтобы „и въ новомъ столѣтіи воспитанники Пермской семинаріи стояли на гребешкѣ волны всякой гуманной, прогрессивной дѣятельности. „Очевидно, о. Шестакову, захотѣлось, такъ сказать пооригинальничать, не въ мѣру блеснуть искусствомъ удачно и красиво выразаться литературнымъ слогомъ. Восхищаясь своими словами, онъ пошелъ еще дальше по наклонной плоскости, т. е. по распутіямъ

лено обычное богослуженіе, а вечеромъ въ залѣ духовнаго училища состоялась литературно-музыкально-вокальный вечеръ воспитанниковъ семинаріи. Этимъ торжество и кончилось, а утромъ 13 ноября, въ понедѣльникъ, семинарская жизнь опять вошла въ обычную колею съ правильными и полными занятіями. Слѣдовательно, товарищескій завтракъ не могъ быть концомъ юбилейныхъ торжествъ семинаріи. Завтракъ этотъ былъ дѣломъ частной инициативы бывшихъ питомцевъ семинаріи, принадлежащихъ къ разнымъ, преимущественно старымъ (начиная съ 1850 г.) выпускамъ, и изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу семинарской корпораціи или къ составу учащихся на немъ никто не былъ да и быть не могъ, такъ какъ завтракъ состоялся въ учебные часы. *Ред.*

лжи и всякой неправды. „Слова оратора, пишетъ неизвѣстный корреспондентъ „Ур. Жизни“ были покрыты криками „браво“ и звуками марсельезы“. Ничего подобнаго не было; никто изъ участвующихъ на завтракъ не бравировалъ о. Шестакову, и тѣмъ болѣе не требовалъ марсельезы на слова его, которыя, какъ сказано, никто не слыхалъ. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что на товарищескомъ праздникѣ любителями пѣнія, подъ руководствомъ П. Н. Серебренникова, былъ исполненъ гимнъ „Впередъ безъ страха и сомнѣнья“, славянскій гимнъ „Братья-славяне“ и др., но эти пьесы разрѣшены къ употребленію въ семьѣ и школѣ и пѣлись по сборнику трехголосовыхъ пьесъ „Русскаго хора“, составленному С. И. Мирнопольскимъ и дозволенному Духовною Цензурою. Словомъ, завтракъ прошелъ вполне благообразно и чинно. Предъ началомъ трапезы присутствующіе прежде всего исполнили христіанскій свой долгъ—пропѣли молитву Господню, равно какъ и послѣ завтрака также сѣли положенную послѣобѣденную молитву. Послѣ окончанія завтрака, духовенство г. Перми разошлось по домамъ, въ залѣ остались свѣтскія лица, что было тамъ послѣ ухода духовенства, неизвѣстно. Что касается того, почему участвующіе на товарищескомъ завтракъ, при появленіи первой корреспонденціи, напечатанной въ № 321 „Уральской Жизни“, не вѣрно описавшей семинарскій товарищескій завтракъ, не напечатали своевременно опроверженія на эту корреспонденцію и тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ дали поводъ къ проявленію глумленія и дальнѣйшихъ нареканій на участниковъ товарищескаго завтрака то въ этомъ случаѣ участники обѣда руководились тѣмъ соображеніемъ, что входитъ въ излишнюю и совершенно ненужную полемику съ неизвѣстнымъ авторомъ означенной корреспонденціи „Ур. Жизни“—значило бы вызывать новую переписку и вообще раздувать и осложнять дѣло, которое по существу своему не заслуживало вниманія.

Редакторъ, ректоръ семинаріи,
протоіерей К. Добринскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

РУССКАЯ ОБЩЕПОЛНІТНАЯ ГРАМОТА МУЗЫКИ.

(Привилег. изобрѣт. заяв. въ Д-ть Т. и М.).

Первый педагогическій опытъ пособія къ ученію (въ элемент. куръ) игрѣ на бѣл. и черн. клавишахъ клавиатурн. INSTR. (рояль, фисъ-гармон. и т. п.), *по новому наглядному письму нотъ* (5 урокъ), съ рисунк., таблиц. и нотами, а также съ указаніемъ способа для самостоятельнаго перевода современныхъ нотъ на Рус. Общ. Гр. Муз. (*механически*).

— Для упражненій (прежде пріобрѣт. инструмента) предлаг. *нѣмая клавиатура въ натуральн. велич., съ нотн. подставк. (пульпитръ)*.

— Отдѣльн. сборники духовн. и свѣтск. вокально-инструментальной музыки *нетрудн. переложеніи на ноты Р. О. Г. М.*, какъ то: богослужебныя пѣснопѣнія: обиходныя и партесныя, хоралы: католич., лютеран. и еврейскіе; народныя пѣсни: русск. малорос. и цыганск., отрывки изъ оперъ: соло, дуэты, тріо, хоры и проч., аріи, романсы *въ сопровожденіи аккомпанимента на клавиатуръ*, пьесы для соло рояли, фисъ-гармон. и т. п.; сонаты, увертюры, танцовальныя и маршевая музыка, съ показаніемъ *пальцевъ игры*,—въ печати.

— Клавиатурн. INSTR. рекоменд. *по доступнымъ цѣнамъ* и хорош. качества. Подробныя свѣд.—по получ. *3-хъ семикопѣчн. почтов. мар.* (съ полн. и четк. адрес.).

Адресъ: Кіевъ. Почта, 7 (предпочтит. заказнымъ.).

МАГАЗИНЪ В. Н. ГЕРАСИМОВА.

Сукно, драпъ, трико, бархатъ, плюшь, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани,
ПОЛОТНА И СТОЛОВОЕ БѢЛЪЕ,
бархатныя ковры и скатерти и мебельные товары,
гардинныи тюль,

въ громадномъ выборѣ

парча и всѣ приборы для церковнаго облаченія,

МѢХА, ШКУРКИ И ДОХИ.

Готовое мужское и дамское платье и бѣлье,

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ,

ЧАЙ, САХАРЪ И КОФЕ.

КУКОВАЯ КРАСКА И ПРЯЖА.

ПРОДАЖА ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ.

Телефонъ № 236.

Пермь, Красноуфимская улица, домъ Полевой.